

Елена БЛОХА

**90 ДНЕЙ
В ПЛЕНУ**

Елена Блоха
90 дней в плену

«Издательские решения»

Блоха Е.

90 дней в плену / Е. Блоха — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939919-9

БЛОХА Елена Владимировна — донецкий журналист. В 2014 году работала главным редактором донецкого городского издания «Муниципальная газета». В августе 2014 года была арестована сотрудниками Службы безопасности Украины за журналистскую деятельность. Находясь в плену СБУ, Елена решила вести дневник, ежедневно записывая все происходящее с ней. После освобождения из плена, где Елена Блоха провела ровно три месяца, она оформила свой дневник в книгу «90 дней в плену».

ISBN 978-5-44-939919-9

© Блоха Е.
© Издательские решения

Содержание

От сумы и от тюрьмы не зарекайся	6
«Добрые» дяди	14
«Санаторий» Сбу	19
Суд имени Псаки	22
Расскажите военную тайну	27
Просто будни и не просто встречи	30
Решение 50х50, но в нашу пользу	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

90 дней в плену

Елена Блоха

© Елена Блоха, 2018

ISBN 978-5-4493-9919-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От суммы и от тюрьмы не зарекайся

Да, собственно, никто и не зарекался. Вот только произошло все как всегда – неожиданно. Вообще, я для себя сделала вывод, что все самые важные события в жизни человека происходят неожиданно, даже если к ним готовиться заранее. Рождается и умирает человек тоже неожиданно для самого себя.

Никогда нельзя наверняка знать, что два любящих человека именно в этот день и этот час соединятся, что приведет к рождению нового человечка. У одних это происходит неожиданно-негаданно, в порыве страсти, без ожидания таких далеко идущих последствий, и это может стать как приятной, так и совсем неприятной неожиданностью. Другие долго работают над этим процессом, прилагают все усилия, бегают по врачам, проходят немислимые курсы лечения, отчаиваются, надеются, потом опять отчаиваются, а потом все же вдруг и у них получается.

Поступление, женитьба, поиск работы – все это тоже чаще всего происходит неожиданно, кто-то надеялся поступить в престижный вуз и неожиданно провалился, а кто-то наоборот был уверен, что с красным дипломом ему открыты двери в самых престижных компаниях, и тут неожиданно эти двери закрываются, потому что только красного диплома недостаточно. Кто-то не планировал обзаводиться семьей, но последствия бурной страстной ночи вносят коррективы в планы, и неожиданно приходится брать на себя ответственность и за того, еще не появившегося парня. А кто-то все ждет и ждет, что это вот-вот произойдет, ведь все к этому идет, но никак не доходит до свадьбы.

Но вот смерть – она всегда неожиданная, ее никто не ждет, людям даже не приходит в голову, что это может произойти сейчас и с ними. С кем-то другим – да, но не с ним, ведь он будет жить долго и счастливо. И я уверена, что практически все люди думают, что они будут жить всегда, и не умрут никогда. Смерть может быть ожидаема родными и близкими, если человек долго и сильно болеет, но сам человек, даже находясь на смертном одре, думает о том, что еще не все потеряно. На войне же, даже когда рядом рвутся снаряды, стреляют и погибают люди, для себя смерти никто не ждет. Но, не будем говорить о грустном. У меня, слава Богу, все живы и здоровы, а вот неожиданные события в том 2014 году со мной действительно произошли.

Эту книгу я начала писать 5 августа 2014 года, уже находясь в заключении. А началось все 2 числа в субботу, когда мы с моим 17-летним сыном Данилом таки решили покинуть Донецк. Хотя бы ненадолго. Просто оставаться в осажденном городе дальше было крайне опасно. Согласовав с руководством вопрос об отпуске на две недели не только для себя, но и для всей редакции «Муниципальной газеты», где я работала главным редактором, мы стали собирать вещи. Договорились с приятелем моего друга Володей, что он, как водитель, нас с сыном вывезет в Крым, ведь дорога дальняя, все может быть. Выехали благополучно около 13.00 из Донецка. На блокпостах ДНР даже не останавливали, увидев в машине женщину и несовершеннолетнего парня. Они уже привыкли, что в последние дни количество дончан, покидающих город резко увеличилось.

А вот на блок-посту нацгвардии боец внимательно изучил документы водителя, документы на автомобиль и мои данные тоже. Но я как-то не предала этому особого значения, а напрасно. Просто настроение было отличное. Даже предстоящая многочасовая очередь на таможне в Чонгаре не пугала. По дороге в Волновахе заправились горючкой – полный бак, прикупили воды, сухого печенья, на случай долгого ожидания. Погода хорошая, машина с «кондёром», можно не опасаться пробки на переходе.

Наивно полагая, что самые серьезные препятствия позади, я стала звонить знакомым и близким людям, сообщая, что все в порядке, мы выбрались

из Донецка. Последний звонок был дочери Полине, которая буквально неделю назад переехала в Киев, в связи с тем, что главный офис её фирмы перебрался туда. «Полина, давай я тебе немного позже перезвоню. Нас остановили на блок-посту ГАИ, неудобно говорить», – это было около 15.50, возле Мангуша.

И тут началось. Сначала гаишники просто попросили документы водителя, потом на машину, «а то таких автомобилей много в угоне...», затем

уже потребовали открыть багажник. И вот, когда мы все вышли из машины, набежало человек восемь-десять в гражданском, водителя поставили с одной стороны авто с поднятыми руками, меня и сына отодвинули от салона, быстро залезли в машину, забрали телефоны и стали осматривать личные вещи и документы в сумке и бардачке. В общем, захват проходил в лучших традициях «маски-шоу».

Проезжающие мимо нас люди с любопытством глазели на это зрелище, открыв окна своих авто. Очень хотелось крикнуть им: «Хелп!», но было понятно, что все это бесполезно, – даже если проезжающие мимо нас люди и услышат мой крик о помощи, то по их испуганным лицам можно было понять, что никуда сообщать об увиденном они не станут.

На вопрос: «Что происходит, в чем дело и, собственно, вы кто?» – один из группы захвата – довольно крепкий мужчина средних лет с бульдожьим лицом хлопнул перед моими глазами корочкой СБУ, сказав, что все хорошо, надо просто проехать с ними. При этом ребята быстро забрали ключи зажигания моего «фольца». Ехать нам троим предложили в разных машинах. Данил тут же заявил, что поедет только с матерью. Разрешили, и он вместе со мной сел в наше авто. Я сидела впереди на пассажирском сиденье, за рулем был сотрудник СБУ, сына на заднем пассажирском сиденье с двух сторон зажали два крепких амбала, как будто он смог бы от них убежать. Отъехав от поста ГАИ, машина направилась в сторону Мариуполя. Ехали молча, никто не объяснял куда и зачем нас везут, хотя я уже тогда понимала, что для простого формального разговора таким образом не приглашают.

Примерно через полчаса приехали в аэропорт Мариуполя. Заехали на территорию через несколько блок-постов на которых были ограждения не только из мешков с песком, но и противотанковые ежи с колючей проволокой. На постах стояли вооруженные люди в масках и пропустили нас только после того, как наши охранники предъявили свои «ксивы». В принципе, для жителей Донецка бойцы в камуфляже давно не в диковинку. Но! Эти были по-особенному агрессивны.

Не радушно нас встретили и в самом аэропорту. Там уже было целое подразделение мужчин, одетых в камуфляжную форму и «балаклавы». Со стороны здания аэропорта были слышны крики и удары, похоже на то, что кого-то бьют. Признаться, сразу стало понятно, что на самом деле мы

крепко попали. Между собой нам разговаривать запретили, по сторонам смотреть нельзя: сидеть и не дергаться. А для того, чтобы мы не нарушали приказы, к нам приставили двоих вооруженных бойцов, которые стали по обе стороны нашей машины. Одним словом, отношение к нам было такое, как будто мы опасные преступники и рецидивисты. Разговаривали бойцы в аэропорту, в основном, по-украински. Но были и те, кто говорил по-русски.

По приезду один из старших сопровождающей нас группы долго о чем-то переговаривался с человеком в камуфляже делового вида, но с пузом (сразу видно – начальник!). Потом нам резко приказали выйти из машины, надели на голову мешки защитного цвета, приказали стоять, взяв руки за спину.

Слышно было, что бульдожья морда и пузатый о чем-то не могут договориться. Один говорил, что тут режимный объект и нам тут не место, а другой обещал, что это ненадолго. При этом бойцы, стоявшие и сидевшие на плацу, отпускали непотребные шутки в наш адрес и ржали во всю глотку. «Лишь бы не пустили в расход без суда и следствия...», – мелькнуло в голове. Но, слава Богу, убивать нас не собирались.

Я услышала, как сына и водителя Володю куда-то повели. Потом ко мне тоже подошел парень с еще совсем молодым голосом. «Пані міністр, будь ласка, за мною!» – торжественно произнес он. «Так вот в чем дело! Они радуются, что самого министра ДНР задержали. Ну-ну...», – признаться мне было не до смеха, но я понимала, что ЭТИ не будут разбираться, кто я на самом деле – журналист или член правительства Донецкой Народной Республики.

Перед дверью в темную комнату, куда я шла на ощупь, следуя за голосом молодого, мне разрешили снять с головы мешок. В помещении размером 3х1,5 м, выложенном белым кафелем (похоже на склад), был всего один стул, на котором сидела девушка с бледным лицом. «Не закрывай, пожалуйста!» – взмолилась она, обращаясь к молодому. «Терпи. Ты должна быть сильной», – издевательски ласково ответил он и наглухо закрыл дверь.

Стало абсолютно темно и очень душно. Судя по всему, вентиляции не было никакой. «Как тебя зовут?» – спросила я бледную девушку. «Юля», – тихо отозвалась та. Она сидела у самой двери на стуле. Нащупав мою руку, она

пояснила: «У меня клаустрофобия. Давай держаться за руки. Не так страшно». Потом она рассказала, что попала сюда два дня назад ни за что просто ехала со знакомым на машине, а их задержали на посту и парня обвинили в пособничестве ДНР. «Мы просто поехали проведать своих знакомых. А парень этот был в камуфляжной одежде. Вот они и прицепились к этому. Мол, не случайно мы со стороны Донецка едем, наверно диверсанты и все такое. Меня уже два раза „на расстрел“ водили, чтобы я призналась в том, что диверсант ДНР. Пообещали тут же в окопе закопать и никто меня не найдет, если не соглашусь с ними работать», – рассказывала Юля, тяжело дыша. Признаться, я ее слушала плохо, в голове была одна мысль: «Что с сыном?»

«А тебя как зовут, за что тебя?» – вывел из раздумий голос бледной. «Да, наверно, они думают, что есть за что. Но просто так мне пропасть нельзя, я

журналист, поэтому меня искать будут. Больше за сына переживаю. Он со мной ехал, несовершеннолетний еще», – пояснила я. «Сын? Наверно, бить будут. Скажи какой-нибудь телефон. Вдруг я раньше выйду отсюда, позвоню твоим и расскажу где ты», – предложила бледная. Подумав, я назвала телефон одного известного в Донецке начальника. Даже если бледная и подставная, что не исключено, то никакого вреда от её звонка не будет. А может, и польза.

Через некоторое время молодой охранник приоткрыл дверь, дав подышать свежим воздухом мне и бледной. «А что с моим сыном?» – тревожно и

тихо спросила его. «Та ничего, вон – в соседней камере сидит. Все добре, мы же не звери из ДНР», – пошутил молодой, но мне было совсем не смешно.

Затем я услышала, что охраннику приказали привести женщину на допрос. Он сказал бледной надеть мешок на голову и идти с ним. Перед моим носом опять закрылась дверь, я осталась одна в полной темноте и без стула, который забрал молодой.

Прислушавшись к тому, что происходит за стеной, я услышала мужские голоса. Их было около пяти, но все незнакомые. Голос сына я среди них не

слышала. Уже потом, намного позже я узнала, что в той камере вместе с Данилом и нашим водителем находились еще восемь мужчин. Некоторые из них, по словам сына, были сильно избиты. У одного даже было видно, как торчат поломанные ребра, у другого были переломаны ноги. Их всех действительно жестоко избивали, чтобы они признались в своем участии в ДНР. Причем, все пленники были в гражданской одежде, поэтому нельзя было утверждать наверняка, что они были ополченцами. Что это за люди, и что с ними произошло дальше, я не знаю, могу только догадываться. Но понятно было одно, эти парни действительно могут пропасть без вести,

как это происходит со многими, кто оказывается в плену у таких вот «добровольческих» батальонов.

Надо отметить, что Мариуполь особенно сильно подвергся репрессиям со стороны правосеков и национальных батальонов. Ведь, Мариуполь один из

первых признал создание Донецкой Народной Республики, однако принять участие в референдуме жители этого города не смогли.

Где-то через полчаса двери моей камеры открылись и молодой конвойный сказал, чтобы я надела мешок на голову, повел меня через плац в другой корпус. В комнате с решетками на окнах сидели два камуфляжника в масках и один с открытым лицом. Одна маска села за стол, на котором стоял компьютер, другая с автоматом расположилась у входа. Первым вопросы стал задавать открытый, перебирая при этом патроны в «магазине» ТТ. Он представился моим коллегой, сказал, что его зовут Иван и он тоже журналист. На мой вопрос, где мы находимся и что это за вооруженные люди вокруг, коллега коротко ответил, что это одно из подразделений сил АТО. «Понятно, батальон «Азов», – подумала я, вспоминая, что про них ничего хорошего не слышала и не читала.

Как оказалось, журналисту было интересно, как это я оказалась министром ДНР. Я ответила, что должна их разочаровать, ведь никаким министром ДНР я не являюсь. «Ну ладно, расскажите про свою работу. Как там ваша газета называется, о чем вы там пишете?» – лениво продолжил спрашивать «коллега», при этом глаза его были злыми, казалось, что он готов разорвать меня. Я принялась объяснять, что наша газета не занимается пропагандой. Что мы даем только факты, ссылаясь на проверенные источники и слова очевидцев.

Рассказала, что наши журналисты не употребляют такие слова, как «хунта», «националисты», «фашисты». Мы пишем «национальная гвардия», «киевские власти», «украинская армия». В то же время, мы не называем наших земляков «террористами», «сепаратистами», «боевиками», а пишем «ополченцы», «представители или активисты ДНР». «А то, что они преступники, ваша газета пишет?! – вдруг аж взорвался от негодования один в маске. – Быстро отвечай на вопрос! Называете вы их преступниками? Что молчишь? Говори быстро!». «Тоже мне, плохой полицейский», – подумала я, хотя, если честно, он заставил меня напрячься. «Я отвечу, – сказала я, немного добавив твердости в голосе. Ну, этим ты меня точно не напугаешь. Я посмотрела ему в глаза – это единственная часть лица, которую не закрывала маска. У него были белые брови, ресницы и абсолютно прозрачный цвет радужной оболочки. Такое впечатление, что у него были пустые глаза. – Я отвечу. Если появлялась официальная информация о том, что в отношении кого-то возбуждено уголовное дело, то мы эту информацию давали». Как ни странно, но такой ответ удовлетворил маску, как и остальных моих «собеседников».

Я почувствовала, как у меня пересохло в горле, а на столе рядом стояла бутылка с водой. Мучить жаждой меня не стали и дали попить. Никогда до этого момента я не пила обычную теплую минералку с таким наслаждением. Это я уже немного позже узнала, что вода в той ситуации, в которой я оказалась, является самым ценным продуктом.

Неожиданно, но другая маска, который до этого все время молча сидел у входа с автоматом, достал из маленького холодильника еще воды и протянул мне. Холодная вода! Почти счастье! Потом еще около получаса журналист и маска с пустыми глазами задавали мне вопросы по очереди. Все они, как ни

странно, касались моей журналистской деятельности. Спрашивали про то, что я делала во время референдума 11 мая, взятия Донецкой ОГА 6 апреля,

митинга 9 мая. Много вопросов было о городской власти Донецка, структуре, почему-то спросили, когда я в последний раз видела Александра Лукьянченко (мэр Донецка), как зовут его заместителей, начальников управлений. Мне тогда сложно было понять ход их мыслей, но то, что вопросы касались точно не моей деятельности в ДНР, было очевидно.

Тут неожиданно зашел молодой и сказал, что руководство звонило и приказало прекратить какой-либо допрос со мной. Мне на голову опять надели мешок, и молодой повел меня назад в камеру. При этом он так смешно, по-детски все время называл меня «пані міністр»: «Так, тут ступенька, пані міністр. Осторожно, коридор, прямо. В туалет пойдете, пані міністр?». Мне даже не хотелось разочаровывать его и объяснять, что я никакой не министр,

а всего лишь-навсего журналист. А вдруг он выживет в этой мясорубке, женится, у него появятся дети и он будет им рассказывать, как самого министра ДНР в туалет водил с мешком на голове. «Проходите сюда, пані. Сказали вас в другую камеру посадить. Тут есть свет и стул, правда, воды на полу налито. Но, вот тут воды нет, у двери, садитесь, мешок снимайте», – молодой завел меня в другое помещение, тоже в кафеле, в углу

которого висели две огромные мойки, с которых на пол капала вода. Странно, но все эти помещения мне больше напоминали какую-то ведомственную столовку, с мойками, складами и еще какими-то комнатами, куда я не попала, которую вдруг захватили вооруженные люди, съели все запасы, вывезли посуду и оборудование и переделали ее под свою тюрьму.

Тогда мне казалось, что так оно и есть, это бывшая столовая для персонала аэропорта. А может быть и правда, я сидела в мойке бывшей столовки на кривом стуле, окруженная водой и сыростью. С другой стороны, я понимала, что если меня перевели в «более комфортное помещение», убивать, бить и страшно пытаться, чтобы я открыла «военную тайну», не будут.

Теплилась надежда, что и с Данилом и Володей тоже будет все нормально. Задержали, вроде как, сбрушники. Хотя допрашивали точно не они. И, судя по всему, допрос был незаконный, так – ради любопытства.

Что дальше? Обвинения мне никакого не предъявили. То про ДНР спрашивали, то про газету, в которой я работала главредом, то про Донецкую власть.

Мы находились в аэропорту. Значит, могут дальше куда-то направить. Скорее всего, так и будет. Запорожье? Или сразу в Киев? Как ни странно, но мои мысли тогда были близки к истине.

Где-то через час опять пришел молодой, приказал надеть мешок и выйти на улицу. Остановив посреди какой-то площадки, мне сказали, чтобы я подняла мешок так, чтобы можно было смотреть только вперед. Приподняв мешок, я увидела перед собой на плацу свою машину. Рядом стоял какой-то человек в гражданском, представившийся следователем СБУ в Донецкой области. Он сказал, что сейчас проведет обыск моего автомобиля. Понятно, что никаких понятых не было, ну, не считая около полусотни камуфляжников в масках и с АК наперевес. Мне позволили наблюдать за процессом досмотра и отвечать на вопросы.

Пока не начали обыск, я стояла в пяти шагах от авто, рядом ко мне вывели и поставили сначала Данила, а затем и водителя. Я их не видела, но по командам: «Выводи сыночка. Водила пошел», – я поняла, что они рядом. Разговаривать нам опять не разрешили, а вооруженные камуфляжники,

пользуясь тем, что мы не можем ответить, начали издеваться и смеяться над нами. Некоторые обрывки их фраз я слышала. Больше всего задело, что

они над сыном стали издеваться. «Это сыночек её? Так повесточку ему быстро выписать – и воевать. Пусть его сепаратисты и убьют! А-ха-ха!» – видимо, эта шутка им очень понравилась. Данил попытался что-то возразить, но я прошептала ему: «Молчи, а то убьют!». После этого близко ко мне подошел, судя по пузатому животу, начальник (лица, из-за опущенного на глаза мешка, я не видела). Он грубо дернул мешок мне на лицо, так, чтобы вообще ничего не было видно, и нагло рявкнул: «Шо, министерша, розколола Неньку, а теперь тикаты в Росію решила?! Не получилось! Хорошо, что мы

тебя приняли. Теперь сядешь на 10 лет, минимум! Всех вас журналюг пересадим. Ще бы вашего Кисельова сюда! Ничего, и до него доберемся!» – он смачно сплюнул где-то рядом со мной и, выругавшись матом, ушел. Интонация начальника чем-то напоминала Ляшко. А мне, судя по всему, досталось за всех российских журналистов во главе с Киселевым сразу. Даже не знала, то ли честь оказали, то ли оскорбили. Но разубедить никого ни в чем не стала. Бессмысленно, да и небезопасно.

Потом мне опять приподняли мешок и «пригласили на осмотр» личных вещей. Получив возможность хоть тихонько, не привлекая внимания посмотреть по сторонам, я увидела сына

и водителя. Они стояли без обуви, на головы были натянуты футболки, руки были за спиной. У Данила из джинсов вытянули ремень.

Сама процедура осмотра была долгой, утомительной и скучной. Лишь один раз было оживление, когда они перешли к осмотру моего ноутбука. Человек десять сбежались посмотреть на содержимое, положив комп на капот стоящей рядом ДЭУ. Открыли какие-то папки на рабочем столе с фотографиями, может, с митингов, какие-то файлы с текстами, которых в рабочем компьютере конечно много. «О, смотри, русский флаг! Ого, всё! Капец тебе, тетя! Пропаганда, точно! Знаешь, что тебе за это будет?!» – они орала на меня, прыгая вокруг моего ноута. Все это напоминало сцену из фильма про туземцев, впервые увидевших зеркало.

Все это время изъяты у нас телефоны, которые тоже положили на капот рядом стоящего авто в полиэтиленовом пакете, звенели не переставая. Это уже был хороший знак. Значит, нас ищут.

Я посчитала, что с момента нашего задержания прошло около четырех часов. Сегодня суббота, вечер, официально информацию о нас никто пока давать не будет. Но завтра наша пропажа точно не останется без внимания моих вездесущих коллег. Надо дожидаться завтрашнего дня. В конце концов, сбущнику и камуфляжникам надоели звонки наших телефонов, и они их просто выключили.

Данила и Володю, после того как они показали свои вещи, опять увели в камеру. Уже стемнело, а сбущнику надо было заполнять протокол осмотра

машины. Оказалось, что здесь нет ни одного свободного кабинета для «работы». А это значит, что задержанных в этом аэропорту довольно много. Да и сами военные, когда разговаривали между собой, несколько раз признались, что выходные все насмарку, много «сепаров поймали», допрашивать до утра придется. Поэтому пришлось сбущному следователю, мне и охраннику с автоматом под мышкой присесть в мою машину, включить подсветку и заполнить протокол осмотра. Другого места во всем аэропорту не нашлось.

Смешно, но, перевернув всю машину вверх дном, следователь забыл поднять подлокотник. Учитывая, что за пять часов осмотра мне уже удалось наладить с ним какой-то контакт, да и автомата у него не было, только пистолет в кобуре, я решила хоть немного повеселиться. Сбущник, пыхтя и шурясь, полусогнувшись на переднем пассажирском сидении, вносил в протокол

длинный список моих вещей, бормоча под нос названия документов, оргтехники, косметики и одежды. «А вы ведь не все осмотрели», – вывела я его из рабочего процесса. Он аж вздрогнул и, обернувшись на заднее пассажирское сидение, посмотрел на меня с ненавистью и страхом. В его глазах читалось, что этот осмотр его самого уже притомил и он поскорее хочет покончить с этим, вернуться домой к жене или подруге, которая постоянно ему названивала, с просьбой провести с ней хоть остаток субботнего вечера, ну, или уже ночи, а тут – еще что-то не осмотрели!

Мне стало его жаль, я приподняла перед ним крышку между сидениями: «Подлокотник». Посмотрев, что там ничего нет, следователь облегченно вздохнул и даже улыбнулся. Осмотр машины и личных вещей с заполнением

протокола затянулись за полночь.

Судя по разговорам следователя и камуфляжников, за нами уже давно приехал микроавтобус с сопровождением. Сказали, что мы поедем дальше. «Значит, все же Запорожье. Не самый лучший вариант», – подумала я.

Про зверства запорожских сбущников неоднократно рассказывали мои коллеги и военнопленные. Перед отъездом из аэропорта мне разрешили

взять личные вещи, свои и сына. «На два-три дня», – уточнил СБУшник. Я растерялась, не знала, что брать. Темно, из освещения только фонарик на телефоне следователя, рядом вооруженные люди с АК и указательным пальцем на курке. Я догадалась взять теплую кофту

себе и куртку Данилу, нижнее белье, воду. Сбушник дописал протоколы, сказал, что все остальные личные вещи будут здесь в Мариуполе, в машине нас ждать, погрузили вещи и оргтехнику, что я с собой брала в отпуск.

Когда я уже стояла возле микроавтобуса и ждала отправки, с меня сняли мешок и решили одеть кофту, из здания вывели сначала Данила, а потом Володю с перемотанными впереди скотчем руками. Видимо, бойцы боялись, что он может убежать. Их понять можно, парень он крепкий, высокий, около двух метров роста, на просто водителя не очень похож. Нас посадили на заднее сидение микроавтобуса: Данил, Володя, потом я. На парней опять надели мешки. Перед нами в салон сели два камуфляжника в масках и с АК. Впереди – водитель и другой сотрудник СБУ. Нам приказали смотреть

только вперед и опять не разговаривать между собой.

Интересно, что машинку нам подали не простую – в салоне было заметно, что бронированный автомобиль не из дешевой серии. На подобных обычно «випов» перевозят, помню нечто подобное было у бывшего президента Украины Виктора Януковича. «Наверняка отжали у кого-то. Или просто

имущество старой злочинной влады используют на пользу революции Гыдности, ну, или как это у них называется», – подумала я и попыталась уснуть. Дорога предстояла неблизкая, а по указателям, которые показывали направление движения нашего авто, я поняла что действительно, движемся в Запорожье.

К месту назначения приехали примерно через три с половиной часа. У самого здания СБУ я увидела двойную вооруженную охрану. Люди в масках

даже своих коллег из Мариуполя по показанному удостоверению не пропускали. Пока один из них звонил кому-то по телефону, наши вооруженные охранники делились впечатлениями: «А тут у них покруче, чем у нас, охрана будет». Водитель начал заметно нервничать и подсказывать сбушнику: «Да выйди ты к ним, покажи удостоверение! А то сейчас пацаны с нервов по нам стрелять начнут!» Но тут наконец-то из-за высоких тяжелых стальных ворот вышел человек в гражданском, проверил документы и дал «добро» на проезд во двор здания из темного кирпича. Во дворе нас уже ждала другая команда. Передавая из рук в руки нас и вещи, я поняла, что на Запорожье мы не остановимся.

Выйдя из микроавтобуса, с ребят сняли мешки, Володе развязали руки, но тут же нам всем троим надели наручники и проводили в подвал, в небольшую освещенную камеру, в которой стояли два стола и четыре табурета, привинченных к полу. За нами закрыли решетчатую дверь на висячий амбарный замок. Напротив нас по коридору была, наверное, комната отдыха для конвоя – видны были чьи-то ноги на лавке, рядом на полу валялись берцы и раздавался громкий храп на фоне радио «Шансон».

«Посидите тут пол часика, скоро дальше поедете», – подтвердил мои догадки один из сопровождавших нас в подвал конвоиров. Таки в Киев повезут...

Я села за стол напротив сына. Наконец-то с момента задержания выдалась возможность перекинуться с ним несколькими словами. Я взяла его руки, туго стянутые наручниками в свои, пытаюсь его немного успокоить. «Мам, тебя посадят?» – в глазах у сына была тревога, но страха и паники я не

заметила. «Возможно, – не стала я его обманывать. – Не переживай, все будет нормально. Это даже хорошо, что нас здесь не оставляют. Наверняка нас уже ищут. Мы не пропадем, не бойся». Я, как могла, успокаивала Данила. Ему всего 17 лет, он, по сути, еще совсем ребенок, хотя в данной ситуации ведет себя как мужчина – не стонет, не жалуется, выносит достойно вместе со мной все свалившиеся на нас испытания. Я крепко сжала руку сына ее и, улыбнувшись, еще раз повторила: «Все будет хорошо!»

Володя сидел напротив за другим столом и пытался уснуть. Если честно, то мне было неловко перед ним. Я понимаю, что в принципе я не виновата, что он вместе с нами попал

такую передрагу, это случайность, но чувство вины перед ним было большое. «Володь, извини, что так вышло», – тихо прошептала я ему в другой конец комнаты. Он поднял голову, улыбнулся одними уголками губ и так же тихо произнес: «Ладно, бывает». Через полчаса за нами действительно пришли.

Выйдя из подвала во двор, мы увидели, что нас уже ждет другой микроавтобус – обычная синяя «газелька», да и охрана на этот раз была поскромней – водитель и два сбущника в гражданском. Из оружия у них были всего лишь ТТ в кобуре. Володе руки завели за спину, сковали наручниками и посадили в угол на заднее сидение. Потом села я и сын.

Нам наручники не снимали, но и за спину руки не заводили. Стандартная фраза: «В дороге не разговаривать. Смотреть прямо», – и мы выехали из СБУ

Запорожья.

Первым молчание прервал сам сбущник, который сидел перед нами. «Ну что, будем вести себя в дороге хорошо?» – с хитрой рожей весело произнес он, как будто он везет на прогулку провинившихся школьников. Утвердительно на его идиотский вопрос ответила только я, парни промолчали.

«А вот мне интересно», – через пять минут сам продолжил разговор сбущник. Как оказалось, интересно ему было много чего. Вопросы, сначала осторожно, а потом уже без всяких «я извиняюсь, а что вы думаете, скажите, пожалуйста», сыпались без конца. Понимая, что для нашей же пользы будет лучше общаться с ним осторожно, учитывая, в каких структурах служит разговорчивый, я отвечала, не молчала в ответ. Причем его интересовала даже не столько я лично, сколько ситуация вообще в Донбассе, стране и даже мире и что я обо всем этом думаю.

Что характерно, во многом наши взгляды совпадали: во всем виноваты политики и олигархи, которые не хотят делить власть, проводить реформы, на востоке идет война, а не АТО, погибают люди, мирное население, дети, экономика летит ко всем чертям, промышленность в стагнации.

«И что же получается? Тот, кто отдает приказы убивать – герой. А я, не имея никакого отношения к преступлениям – еду в наручниках со своим сыном в тюрьму? Вот такие дела», – резюмировала я очередной свой ответ на его вопрос. «Получается так. Поверьте, мне тоже очень неприятно, что я вынужден сопровождать малого пацана и вас в наручниках. Да и водитель, как я понимаю, наверно, не причем. Но это приказ, и я вынужден его выполнять», – ответил разговорчивый.

Правда, толк от наших «задушевных бесед» был не только в его чистосердечных извинениях. Через некоторое время нам дали попить воды из наших же запасов, потом Володе позволили перестегнуть наручники, переведя руки из-за спины (на тот момент он уже рук не чувствовал). Нам даже два раза позволили выйти в туалет, а уже перед самым Киевом разговорчивый так проникся сочувствием (я себя уже очень плохо увствовала), что купил нам троим по бутылочке холодной водички и открыл

боковое окно «газельки». В общем-то, не таким уж он и плохим парнем оказался, просто работа у него сволочная.

Около 11.00 3 августа мы въехали в столицу Украины – город Киев. На тот момент я уже знала, что, оказывается, меня обвиняют в участии в террористической организации и почему-то объявили в розыск (разговорчивый проболтался). К двенадцати мы подъехали к ул. Владимирской, 33, где расположено Главное следственное управление Службы безопасности Украины. Перед тем как вывести нас из машины, разговорчивый снял с нас наручники.

Нам приказали держать руки за спиной и подниматься по лестнице. Меня и сына завели в один из кабинетов на третьем этаже, Володю повели в другой кабинет. Занеся вещи за нами, разговорчивый распрощался с улыбкой: «До свидания, всего вам хорошего». «Спасибо, но лучше прощайте!» – ответила я твердым голосом, стараясь не выглядеть запуганной.

«Добрые» дяди

В комнате, куда нас привели, находились несколько мужчин в гражданском. По степени напыщенности было заметно, кто из них выше по званию. В кабинете 2х3 м было очень тесно. Стояли четыре письменных стола, у каждого – стулья, на столах стояли компьютеры далеко не самой последней модели, на тумбочке между двумя окнами – большой железный сейф, рядом старенький телевизор LG, справа у входной двери стоял высокий шкаф с бумагами, а за ним, в самом углу – холодильник «Днепр» совкового производства. Интересно, что на сейфе в большом горшке расположился цветок – комнатная роза с крупными листьями, за которыми практически не был заметен герб Украины – трезубец, висевший на стене между двумя окнами.

Несмотря на то, что створки окон были нараспашку, в кабинете было довольно душно. Пока один из гражданских, представившийся следователем, разбирал какие-то бумаги, меня пригласил поговорить в другой кабинет один из «старших».

Мы зашли с ним в соседнюю комнату, в которой работал кондиционер, да и обстановка была несколько попримечательней, а в углу стояла кофе-машина, в которой мне даже сварили кофе. «Давайте пока без протокола расскажете нам о своей работе в ДНР», – по-отечески душевно начал один из двоих

высоких чинов СБУ. Он был выше среднего роста, подтянутый, с ежиком черных с проседью волос и чем-то напоминал волчонка из мультика про Капитошку, только взрослого, очень серьезного и при этом постоянно

прятавшего глаза. Такой постаревший и погрузневший волчонок. Второй персонаж был гораздо колоритней. Низкорослый, коренастый, с животом, нависающим поверх джинсов, густые русые с сединой волосы и просто рабоче-крестьянское лицо с мясистым носом. Такой вот рубаха-парень, но с очень нехорошей улыбкой. Он мне показался похожим на Шарикова из Булгаковского «Собачьего сердца».

Наше общение в дальнейшем только закрепило за ним этот образ. В течение дня он неоднократно пытался дискутировать со мной насчет ситуации в

стране, и вся его «правда» сводилась к тому, что донецкие сами во всем виноваты, а сейчас жалуются, «понаехали к нам в Киев, работать не хотят... Взять и поделить».

Помнится, в одном из своих статусов в ФБ, кажется, еще в марте, я писала, что если бы Шариков жил в наше время, то он смог бы стать даже президентом Украины. Ну, может, и не президентом страны, но, как показала жизнь, в высших эшелонах власти таких оказалось не мало.

Итак, разговор без протокола. Если коротко, без лирики, то я сказала, что да, действительно, приглашение от людей из ДНР о сотрудничестве мне поступило, но я его не приняла, заявление не писала, документы не подписывала. Более того, понимая, что мне и моим близким грозит опасность, в мае на некоторое время уехала из Донецка и сделала заявление, что остаюсь по-прежнему работать журналистом. Поэтому, как таковым, сотрудничеством с руководством ДНР я не занималась, а все это время

продолжала работать главным редактором «Муниципальной газеты», которая является официальным органом печати Донецкого горсовета. Почему я выдвинула именно такую версию моего участия в ДНР? Я прекрасно понимала, что если я сразу во всем чистосердечно признаюсь, то и следствие проводить не надо, – записали на камеру мое признание и в суд для вынесения приговора. А чем дольше я буду отпираться, тем дольше будет длиться следствие, тем больше шансов свести наказание к минимуму. На тот момент я уже прекрасно осознавала, что просто так мне из этой истории не выкрутятся.

После моих слов на лице у старшаков было явное разочарование. Тем не менее, я так поняла, что задачу-минимум, поставленную перед ними, они

сделали. Я сижу перед ними в Киевском СБУ, и надо было дальше со мной работать, колоть меня на признание и, судя по их выражению лица, простого решения здесь не будет.

Вздыхнув, волчара и Шариков отвели меня в другую комнату, где находился сын и следователь. У меня тут же поинтересовались, есть ли у меня адвокат, который может присутствовать во время процедуры моего задержания. Какой адвокат, да еще и в Киеве, нет, конечно. При этом я потребовала, что-бы сообщили нашим родным и моему руководству о том, что со мной и где я нахожусь. «Пишите телефоны родных», – потребовал следователь. Понятно,

что все контакты находились в самом мобильном телефоне, который у меня и сына изъяли. Наизусть я не помню все номера. Телефон Данила разрешили

включить, мой тоже включили, но ненадолго, и он тут же начал трезвонить о пропущенных вызовах.

Я нашла в телефонной книжке телефон Полины и записала его, но звонить мне разрешили только с аппарата следователя. Он сам набрал и передал мне

трубку. «Алё?» – раздался голос дочери. «Полинка, это – мама», – только успела я сказать. «Мамочка! Где ты?! Что с тобой?! Куда вы пропали?!» – закричала она. У меня наворачивались слезы на глаза, я слышала, что она тоже плачет. «Доченька, с нами все в порядке, мы живы, сейчас находимся в Киеве, в управлении СБУ. Данил со мной, его скоро отпустят. Позвони по тем телефонам, что я тебе давала, сообщи, где мы», – попросила я. Дело в том, что еще месяц назад я дала дочери несколько контактных телефонов, по которым, в случае чрезвычайной ситуации, надо звонить. Правда, я надеялась, что такой случай никогда не произойдет. Увы.

«Мама, бабушка звонила, ей кто-то рассказал, что тебя задержали. Уже информация в интернете есть об этом», – тараторила Полина в трубку. В это время у Данила зазвонил телефон. «Папа звонит», – сухо констатировал сын. В последнее время у него отношения с отцом совсем не заладились. И не удивительно. Мы разошлись с мужем, когда дочери было 11 лет, а сыну и вовсе три года. И хоть фактически я воспитывала детей сама, но против отца не настраивала, какой ни есть не путевый (а он действительно оказался таковым), он все же их родной человек. Поэтому связь с отцом, да и родственниками с его стороны, особенно с бабушкой, дети поддерживали. Но в последнее время бывший муж своими отравленными пропагандой мозгами

не понимал, что же на самом деле происходит в стране.

Один из последних телефонных разговоров с сыном, когда Данил сказал, что он русский и против действий Украины на Донбассе, закончился тем, что отец сказал: «Нет у меня больше сына!». После этого и Данил не очень-то жаловал своего отца, поэтому, когда в кабинете следственного управления СБУ раздался телефонный звонок, он даже не дернулся в сторону телефона.

«Полина, а откуда бабушка о нашем задержании узнала? Кто ей сказал?» – мир не без «добрых» людей, поняла я. «Я не знаю, мамочка, но уже в интернете есть информация о тебе и, вроде по радио и телевидению говорили», – пояснила дочка. «Ну, это хорошо, что уже есть информация в СМИ, не важно, какая. Полинка, все будет хорошо, не переживай», – пыталась я успокоить дочку. А сама понимала, что теперь детям к бабушке в Днепропетровскую область дорога заказана, придется сыну пока в Киеве с Полиной побыть. А то ведь эти старшаки такие добренькие, прямо обещали и билет за свой счет купить и отправить сына к родным. Интересно, сначала в Киев в наручниках ребенка привезли, а потом и билет купят за свой счет.

Тем временем следователь наконец-то стал объяснять причину моего задержания. Если коротко, то по их версии получалось, что я, Блоха Елена Владимировна 11.05.1969 г.р. (пока

правильно) уроженка г. Киева (?), проживающая в Днепропетровской обл., г. Першотравенск, по ул. Комсомольской, 29, (?) участвовала в деятельности террористической

группы, так называемой Донецкой народной республики, в которую входят: Губарев П. Ю., Пургин А. Е., Пушили Д. В., Гиркин И. В., Здрилюк С. А.,

Безлер И. М. и другие неустановленные особы. При этом я являюсь руководителем целого Департамента по связям с общественностью. В качестве доказательства – информация из интернета! Это был первый «приветик от Джейн Псаки».

Идем дальше. Оказывается, мне предъявили ухвалу (решение) суда по адресу: Днепропетровская обл., г. Першотравенск Комсомольская, 29, кв. 4, но я её проигнорировала и не явилась к правоохранителям, поэтому суд вынес еще постановление об объявлении меня в розыск, потому что я скрываюсь от правосудия. О как! Из всего этого перечня правдой являлось только то, что я – Блоха Елена Владимировна 11.05.1969 г. р. На самом деле родилась я в России, по указанному выше адресу проживала 15 лет назад и уже более 10 лет живу и работаю в Донецке.

Эта путаница с данными была не случайна. Как я узнала позже, подобные трюки сотрудники силовых структур Украины делают сознательно, чтобы человек не просто не получал документы о подозрении в совершении преступления, но даже и не догадывался бы, что его разыскивают. Так удобно потом задерживать в нужный момент человека, который ни о чем не знает. Со мной тоже было отработано задержание по такой нехитрой схеме.

К этому моменту в СБУ на Владимирскую подъехала адвокат из бюджетной организации, которую определили вести моё дело. Ее звали Лилия Викторовна – маленькая, хрупкая женщина около тридцати лет, с длинными темными волосами, схваченными резинкой в хвост, с правильными чертами лица и огромными серыми глазами. Одета Лиля была во все белое – футболка, рубашка, джинсы, мокасины. Даже сумка и телефон белого цвета. С появлением Лили мне стало как-то спокойней. «Не бойтесь, если вам уже сказали, что меня подослали менты, это не так. Я вам помогу, у меня уже были подобные случаи», – достаточно убедительно сказала защитница.

Нам позволили выйти из кабинета и пообщаться наедине в углу коридора.

Лиля умела расположить к себе и рассказала, что нужно делать, для того чтобы защитить свои интересы. Она тут-же отметила все неточности в документах, в том числе и в «подозрении», настояла, чтобы в протокол было внесено замечание относительно фактического момента задержания, пояснила, что сегодня мне лучше не давать показания, ссылаясь на ст. 63 Конституции (лицо не несет ответственности за отказ давать показания или

объяснения в отношении себя), да и элементарно на плохое самочувствие. Хотя я действительно себя чувствовала хреново, и на то были причины. Но, по неопытности я могла и согласиться на все что угодно, ведь тогда я думала только об одном, чтобы поскорей отпустили моего сына. И еще, я благодарна

Лиле за то, что она в некоторой степени взяла заботу о моих детях на себя. Одними из первых ее слов ко мне были: «Я уже встретила с вашей дочкой внизу, не волнуйтесь, все будет в порядке».

Примерно к 16.00 завершили дело с протоколом задержания в присутствии адвоката, какой-то барышни-следователя и еще двух девушек понятых.

Отдельно хотелось остановиться на последних. Не знаю, где их нашли и какими калачами заманили в воскресный день в здание СБУ, но было видно, что барышни случайно попали на это шоу. Классическая парочка – блондинка + брюнетка, беленькая + черненькая. Две подружки-киевлянки, в меру симпатичные, в меру ухоженные, без пафоса, но с достоинством, одеты со вкусом и без излишней кичливости.

Такое впечатление, что девушки вышли на прогулку и ради острых ощущений согласились на авантюру: «А почему бы и нет? А давай пойдём понятыми!» Но когда в ходе проведения процедуры и, особенно во время

беседы не под протокол, они слышали подробности нашего задержания, рассказы о жизни в Донецке, у барышень перекашивались их милovidные лица, а в глазах был страх и вопрос: «Ну и зачем нам это было надо?».

В ходе разбора личных вещей Данила (чтобы не терять времени, процесс проходил параллельно с составлением протокола), выяснилось, что заначка на отпуск, которую я спрятала в рюкзак, загадочным образом испарилась (белый конверт, в котором лежали 1 200 долларов и 1 500 грн). Узнав об этом, барышни крепко вцепились в свои сумочки. После того, как они наконец-то поставили подписи под документом, молниеносно испарились. Думаю, что впечатлений у них хватит надолго. Наверняка, в тот же день за столиком в какой-нибудь киевской кафешки в центре города их подружки услышали увлекательную историю про сепаратистку из самого Донецка, которую допрашивали доблестные сбушники.

Только к пяти часам вечера Данила отпустили из управления, вернув личные вещи, но ноутбук оставили, а вдруг там есть какая-то секретная информация, которую могли бы обнаружить только специалисты, которых сейчас в выходной день нет на месте. Лиля ушла вместе с сыном, сказав, чтобы

я попросила следователя обязательно позвонить на ее телефон через некоторое время, чтобы убедиться, что с моими детьми все в порядке.

Перед уходом я дала Лиле нужные контактные телефоны, рассказала, с кем можно связаться, кто может помочь. Перезвонив на ее телефон с аппарата следователя минут через 15 после того как они ушли, Данил мне отчитался, что с ним все хорошо, они сейчас сидят в кафе и ему уже принесли какую-то еду. Полина была рядом, тоже взяла трубку и сказала, что брат остается с ней в Киеве, все в порядке. Я с облегчением вздохнула – дети в безопасности, это самое главное.

Вместе с Данилом отпустили и нашего водителя, после чего, он, скорее всего, отправился домой в Волноваху. Его дальнейшая судьба мне неизвестна,

но на свидании мне сын рассказал, что при допросе (их опрашивали в одной комнате) Володя рассказал сбушникам что было и чего не было, готов был

под любыми показаниями подписаться, говорил, что он за единую Украину и против сепаратистов и вообще – его подставили. Как-то так...

Через некоторое время меня повезли из Главного следственного управления в следственный изолятор СБУ. Как меня уверяли старшаки, по сравнению со знаменитым Лукьяновским СИЗО, там просто отель. В этом «отеле» меня сначала обыскали с пристрастием. Обыскивала женщина-конвоир (и на этом спасибо) в специальной комнате. При этом мужчины-конвойные оставались в соседней. Она сказала мне снять всю одежду, до нижнего белья и даже встав на колени, раздвинуть ягодицы. Потом конвойная перевернула все мои вещи, прощупали каждый шов на одежде, забрала шнурки из кроссовок,

а на самих кроссовках разве что подошву не оторвала. Дежурная дала подписать какую-то бумажку, где я должна была подтвердить, что ознакомилась с правилами содержания заключенных. Ну, как ознакомилась, посмотрела без очков с моим слабым зрением на 4 листочка, отпечатанных мелким шрифтом и сказала, что все понятно.

Затем меня отвели в душ, где пришлось мыться без мыла, но хоть дали вафельное полотенце. Вручив мне казенное постельное белье, повели по лестнице на 4-й этаж, где определили в крайнюю по коридору камеру №24.

В камере, рассчитанной на два человека, слава Богу, кроме меня никого не было, еще объяснений с кем-либо в этот вечер, я бы уже не выдержала. Я расстелила тонкий матрас на железную кровать, интересно, но никогда раньше такую не видела – вместо сетки или просто

какого-нибудь настила на железную окантовку были вдоль приварены четыре широкие железные полоски, причем в изголовье они приподнимались наверх. Это больше было похоже на две пары длинных лыж. Позже я узнала, что именно так эта конструкция и называется – лыжи.

Спать на такой постели, да еще и на таком тонком матрасе было просто мучение – железные листы просто вдавливались в тело, порой оставляя синяки.

На одной из деревянных тумбочек для меня даже оставили ужин – каша сечка с маленькой котлеткой и холодный чай с черным хлебом. Запихнув в себя часть ужина, я легла на постель и, положив голову на подушку, провалилась в сон. Все, спать!

«Санаторий» Сбу

Мне ничего не снилось в ту ночь. А если и снилось, то я ничего не запомнила. Разбудил меня громкий рявк в открытое окошечко кормушки в двери камеры: «Подъем!» Умыться как следует, пусть даже под холодной водой (другая просто не была предусмотрена) не удалось: у меня не было ни

мыла, ни зубной пасты с щеткой.

Хорошо еще, что я успела прихватить из личных вещей при задержании расческу и крем для лица. Да и то по правилам содержания эти вещи должны находиться «на тумбочке», а «тумбочка» – в коридоре вне камеры. То есть, если тебе нужна расческа, попроси у конвойного, тебе ее дадут, расчешешься, а потом опять заберут «на тумбочку».

И еще немного о распорядке дня заключенного:

6.00 – 6.15 подъем; 6.15 – 8.00 туалет, уборка камеры; 8.00 – 8.45 завтрак (на самом деле ближе к 10); 9.00 – 13.00 прогулка, работа со следователем, адвокатом; 13.00 – 14.00 обед; 14.00 – 16.00 прием врача, работа со следователем, адвокатом; 17.30 – 18.30 ужин; 22.00 отбой.

Теперь расскажу поподробней о камере и условиях содержания. После подъема, в камере подключали электроэнергию к розетке питания, и можно было включить нагреватель или телевизор, если они есть. При утреннем обходе (кроме выходных дней) дежурному офицеру необходимо было назвать свою фамилию, имя, отчество и статью, по которой подозреваешься в совершении преступления. После этого офицер может поинтересоваться (а может и нет) есть ли какие-либо пожелания или замечания.

Сама камера была рассчитана на двоих – две кровати-лыжи по разным углам, посередине стол, привинченный к полу. Справа от железной двери стояли две деревянные тумбочки а-ля совок и две табуретки этой же эпохи. Пластиковое окно с матовым белым стеклом и наружной решеткой было расположено высоко, почти под потолком и выходила во двор изолятора. Открыть его самостоятельно было невозможно, так как съемная ручка находилась у дежурного и он сам решал, когда надо проветрить помещение.

Туалет расположен с левой стороны от двери – железная параша, слив в которой заключенный сам не мог включить. Для этого надо позвать конвойного и попросить, чтобы он включил кран подачи воды в туалете, выведенный в коридор, раз вам приспичило.

Зачем нужно было выводить подачу воды из камеры, для меня загадка. Если бы заключенный захотел утопиться в унитазе, то он, наверно, мог бы и в раковине, где идет вода постоянно, это сделать.

Кстати, позвать конвойного тоже не просто, для этого надо нажать на выключатель на стене, после чего в коридоре над вашей камерой загорается красная лампочка – как сигнал вызова, и к вашей броне (железная дверь)

подходит конвой, открывает окошко кормушки, которое находится, скажем так, на уровне талии и спрашивает, что надо. То есть, разговаривать приходится не с самим конвойным, а с его задницей.

Дежурный может не сразу увидеть, что горит лампочка, поэтому приходится ждать, когда он подойдет, порой до 40 минут. Поэтому надо или терпеть или не ждать, когда включат воду и справлять свои естественные нужды по сухому. А другой раз, терпеть неумоготу и ты только расположишься над парашей в позе орла, как вдруг открывается кормушка и задница надзирателя вопрошает, «шо треба?».

Конечно, не только для того, чтобы включить воду приходится звать надзирателей. Особенно в первые дни, когда абсолютно не знаком с местным

режимом, то обращаешься к ним по каждой ерунде. Ведь рассказывать мне подробно о правилах содержания никто не собирался, поэтому и приходилось без конца включать красную лампочку вызова.

Кстати, об освещении. Под потолком были привинчены аж три казенных плафона в железной решетке. Днем, когда было совсем светло, их выключали, зато на ночь всегда оставляли одну лампу гореть, чтобы было видно, что происходит в камере. Так что спать приходилось при свете.

А для того, чтобы надзирателям еще удобней было наблюдать за тем, что происходит в камере, в ее левом углу прямо над парашей, была установлена видео-камера. «Картинка» с нее была выведена прямо на небольшой монитор, размещенный возле двери камеры. Но, я так понимаю, что существовал еще и вывод изображения на какой-то центральный пункт.

Помимо этого, в самой «бране» были прорезаны еще два глазка – примерно на уровне головы и груди человека среднего роста, в которые регулярно, раз в час заглядывали надзиратели. Даже ночью они проверяли, что делает заключенный. И если ты не спишь, как написано в распорядке, то дежурный делал замечание и заставлял спать.

Теперь о прогулке. «Гулять» в СБУшном ЗИЗО выводят о одному в такой же небольшой дворик, как камера, посередине которого привинчена небольшая лавочка. Над двориком вместо крыши натянута сначала толстая железная решетка, потом сетка-рабица, а еще выше – прозрачный пластик,

который в жару нагревает бокс до 40—45°С.

Всего в прогулочном отсеке четыре дворика, поэтому одновременно могли гулять только четыре заключенных. Интересно, что при этом радио, установленное прогулочном коридоре конвоя, включают так громко, чтобы невозможно было ничего крикнуть соседу по дворику, и соответственно услышать что-то от него. А если вдруг заключенные решили покричать

друг другу, то их неминуемо ждало наказание – лишение свидания, передачи или даже карцер.

Кстати пункт «работа со следователем» в расписании дня заключенного как бы предусматривает, что эта работа может проводиться или до или после обеда. На самом деле, если вызывают к следователю, то эта работа будет длиться до, вместо и после обеда. И никого не волнует, что заключенный

будет сидеть целый день без воды и еды.

Несколько слов о «санаторном» питании. Утром – ячневая каша без масла, маленькая котлета, кусок черного хлеба и чай. Обед – суп из оставшейся утром каши, в который добавили немного картошки и тертой морковки, бывает, еще капусту положат; на второе – перловая каша и котлетка, а

также компот. Ужин – отличается от завтрака тем, что вместо типа мясной котлеты может быть рыбная или даже (!) кусочек рыбы.

Но самая большая проблема лично для меня – это отсутствие обыкновенной питьевой воды. Родственникам нельзя передавать бутилированную воду, даже упакованную (а вдруг они туда что-то подмешают). Вот другие продукты можно, а обычную питьевую воду нельзя. Как быть? Можно родственникам передать деньги в бухгалтерию следственного изолятора, их

потом положат на ваш счет, и когда будет закупка (а она бывает два раза в месяц), то вам за ваши деньги купят то, что вы впишете в список. Еще один

вариант – родственники могут передать вам кипяtilьник (я об этом узнала только через четыре дня) и у вас будет возможность кипятить воду из-под крана.

На самом деле, глядя на эти так называемые меры предосторожности (чтобы, не дай Бог, с заключенными что-либо не случилось), приходишь к выводу, что все они направлены только

на то, чтобы поизощренней поиздеваться над людьми. Вроде бы все действуют по закону. Но я, например, из-за того, что закупка была только 10 августа, свиданий с родными тоже долго не было, больше недели была без обычной питьевой воды. И это при том, что

средняя температура воздуха на тот момент в Киеве была около 35°C. Давайте ка вспомним, сколько в среднем жидкости должен выпивать человек в таких условиях? В результате мне три раза вызывали врача, которые (это разные люди) констатировали у меня высокое давление, температуру 37° и слабость. Ну, с моей гипертонией и не мудрено!

Суд имени Псаки

Ну, а теперь более подробно о моем втором дне пребывания в застенках. Этот день, 4 августа, для меня ознаменовался первым судом, где решался вопрос о мере пресечения. Сразу после завтрака конвойный сообщил, чтобы я быстро собиралась на выезд. Наскоро приведя себя в порядок, я вышла в сопровождении охраны во внутренний двор здания СИЗО. Перед тем как посадить меня в машину, охранник опять надел на меня наручники. Да что же это такое!

В машине для заключенных (автозак) – маленькая каморка с деревянной лавкой за железной дверью и маленьким окошком за решеткой, так называемый «стакан». Перед тем как ехать в суд, меня привезли в следственное управление СБУ, на ул. Владимирской, 33. Завели на третий этаж, сняли наручники. Следователь на этот раз был как-то по-особенному приветлив – верная примета, что какую-то гадость для меня подготовил.

«Вчера ваш адвокат просила, чтобы я для вас при-готовил все добавки (дополнения) до постанов и ухвал (постановлений и решений) по вашему делу. Вот, пожалуйста, возьмите, я вроде бы все собрал», – положил он передо мной сшитый талмуд листов А-4, толщиной в 2 см. «Как ваши успехи? Как спали?» – решил пошутить другой следак. «А как ваши успехи?» – ответила я, тоже мне Петросян нашелся.

Вместе с добавками мне вручили и уведомление в подозрении совершения преступления. Согласно правил, через три часа после вручения этих документов должен состояться суд, именно столько времени отводится для ознакомления со всеми полученными бумагами. Это, конечно, ерунда, что об этом никто не предупредил, и я не взяла очки, а без них я все равно не разберу что тут написано мелким шрифтом.

Ладно, сижу в кабинете следователя, порчу зрение и читаю. Мне даже любезно водичку холодную дали. Вскоре мой следователь куда-то ушел, а примерно через двадцать минут зашел конвойный и сказал, что поступило распоряжение везти меня в суд. Опять надели наручники.

Через 20 минут приехали в Шевченковский районный суд, но, оказывается, само заседание будет еще не скоро, так как мне надо ознакомиться с уведомлением, и поэтому меня препроводили в «комнату ожидания».

Ну, как вам сказать, комнату... Как бы комната, в цокольном помещении, а внутри ее по одну сторону – небольшие клетушки – боксы, за решеткой, в которых помещают подозреваемых перед началом судебных заседаний, всего шесть таких клетушек, которые между собой еще называют

«предвариловки».

Меня поместили в единственную свободную под номером 3, размером 0,5x0,5 м. Правда, наручники сняли. В помещении было прокурено и грязно. Воняло дешевыми сигаретами и грязным туалетом, который располагался в правом углу комнаты. Напротив него была комната охраны, куда ушел мой конвоир. Между клозетом и охранной – окно, на подоконнике которого постоянно сидел кто-нибудь из солдат внутренней службы, охранявших других осужденных. В отличие от охранников СБУ, которые одевались в пятнистый камуфляж, были среднего возраста и работали за деньги, эти салажата носили неудобную черную потертую форму и служили почти бесплатно, за 150 грн. в месяц. А, судя по тому, что сбрушный охранник был только со мной, то, значит, все остальные горемыки из боксов были из уголовного СИЗО.

Сидельцы по клеткам, судя по их разговорам, находились в своей привычной среде. Они охотно рассказывали о своих злключениях, о прокурорах продажных и судьях подлых. Правда, на самом деле, они этих государственных служащих костерили такими матами, что если бы их услышала какая-нибудь домашняя барышня, то у нее бы ушки в трубочку свернулись. Самое обидное «дырявые пида... сы».

Один из «бедолаг» больше всего жалился на судьбу. «Ну, ты понял! Они мне разбой шьют. Откуда? Это как же я должен был ударить этого терпилу, что у него, типа, череп треснул! Это какую силу надо иметь, чтобы я кабана в сто килограмм так вырубил! Я же в два раза меньше его. Да и не отрубился он после того, как я его бомбанул. Этот лось еще после этого сам в больницу пошел, там ментуру вызвал и заяву накатыл. Ему уже в больничке на второй день плохо стало, так он уже там успел с кем-то поцапаться. Я то здесь при чем?! Не, ну ладно грабеж, но разбой за что? Это же тяжкое! Так у меня при себе не было ни ножа, ни кастета, ни оружия. Свидетели показали, что не видели ничего. А эта судья, сука, мне разбой шьет. Понятно, что не за просто

так. У этого терпилы бабок немеряно. Ну, ничего, я до этих пид... сов доберусь. Они у меня все кровью харкать будут...», – и этот душещипательный рассказ он повторял все время, иногда прерываясь на обсуждение с другими сидельцами тюремных новостей: кто с кем сидел, сколько и за что сейчас чалится, рассказы про криминальных авторитетов, паханов зоны и т. д. и т. п.

От этих разговоров, духоты и вони мне стало дурно и, о счастье, мой охранник «любезно согласился» пару раз вывести меня во двор на 10 минут подышать воздухом, но, конечно же, в наручниках.

Только через два часа меня повели на третий этаж, к залу заседаний. Конвоир подвел меня к двери одного из кабинетов в самом углу коридора, где уже стояли, представитель миссии ООН и сотрудник СБУ. Пока мы ждали судью, из ниши рядом с кабинетом вышла Полинка. «Мама», – тихо позвала она.

Услышав родной голос, я инстинктивно ринулась к ней. «Куда! Стоять!» – рявкнул охранник и изо всей силы дернул за наручники так, что они больно сжали запястье. «Это ее дочка и сын. Это же дети!» – пояснила Лиля конвоиру. Из-за спины Полины действительно вышел и Данил. Боже, я так рада была их видеть!

После этих слов охранник немного успокоился и опустил руку. Полинка и Даня подошли ко мне поближе и стали рассказывать о том, как они провели

Эту ночь и день без меня, что у них все в порядке. «Данил сегодня ночевал у меня на квартире, девочки были не против (Полинка снимала комнату в хосписе на несколько человек). Потом он со мной пошел на работу и всем там рассказывал о том, что с вами случилось. Я тебе сегодня утром передачу отнесла, тебе передали? Нет? Почему? Мама, бабушка звонила и папа. Мы бабушку успокоили, сказали, что все будет хорошо. А папа... я не стала с ним говорить, он такой бред несет. Мамочка, тебя все наши поддерживают. И ребята тебе пишут, привет передают, говорят, чтобы ты держалась, они тебя не бросят. И еще Пилар (моя подруга журналистка) из Москвы звонила. И Лена из „Комсомолки“ тебе тоже привет передавала», – Полина говорила без умолку. Данил же был немногословен, только короткими фразами подтверждал слова сестры.

Лиля мне тоже успела сказать несколько фраз о том, с кем она связалась, с кем и о чем говорила. Тут у нее зазвонил телефон, это звонила Пилар. Лиля успела только перекинуться с ней несколькими словами, как вышла секретарь и пригласила всех по моему делу в зал заседаний.

Хотя, это громко сказано: зал заседаний. Опять маленькая комнатка с одним окном, но зато с кондиционером, в которой работают три человека. Так вот, в эту маленькую комнату, помимо трех постоянно здесь находящихся судьи, ее помощницы и секретаря, зашли еще девять человек: я, прикованная к охраннику наружниками, прокурор, следователь, адвокат, Полина, Данил, наблюдатель ООН и сотрудник СБУ (как сказала Лиля, это контроль над следователем).

Сначала судья долго зачитывала, собственно, а зачем мы тут собрались, а затем уже перешли к рассмотрению вопроса по сути. Суть заключается в том, чтобы избрать мне меру пресе-

чения: или оставить под стражей, или отпустить под поручительство, или под домашний арест. Конечно, следователь и прокурор настаивали на аресте, а Лиля и я на всех оставшихся вариантах.

А теперь, как говорят опытные каталы, следите за руками и делайте свои ставки. Сейчас я перечислю доводы обеих сторон, а вы попробуете отгадать,

какое решение приняла судья. Итак, сторона обвинения ссылается на то, что 16 мая в Донецке состоялась 3-я сессия Верховного совета Донецкой Народной Республики, на которой был оглашен список правительства, в том числе была названа моя фамилия как руководителя Департамента по связям

с общественностью. При этом обвинение ссылается на видео в YouTube и публикации в Интернете. Все! Ни документов, ни свидетелей. Больше ничего!

Теперь защита. Во-первых, нам удалось доказать, что фактически я была задержана 2 августа в Донецкой области вместе с сыном, откуда я и несовершеннолетний Данил были доставлены сюда в наручниках. Что это дало? С меня сняли наручники, фактом доставки в Киев несовершеннолетнего ребенка в наручниках заинтересовался наблюдатель ООН. И действительно было признано и внесено в протокол, что меня задержали 2 августа, а не 3-го. «Понравился» ответ на мой вопрос следователя, а как же я оказалась с сыном и водителем у него в кабинете, если мы ехали из Донецка в Крым: «Не знаю, просто сами пришли». Ну да, заблудилась по дороге, и наручники сама себе с сыном одела.

Далее, защита доказала, что я не получала никаких постановлений о подозрении в совершении преступления, потому что это постановление отправили в Днепропетровскую область, г. Першотравенск, на ул.

Комсомольскую, хотя на самом деле я там никогда не была прописана, а с 2006 года постоянно вместе с детьми проживаю в г. Донецке и с 2010 зарегистрирована там по ул. Щорса, о чем соответствуют данные в моем паспорте, который на момент заседания суда находился у следователя. Поэтому я ничего не могла знать том, что мне предъявлено подозрение, и тем более, не могла знать, что меня объявили в розыск. Не для протокола, вот если бы я это знала, неужели бы я поехала в отпуск с сыном через территорию Украины, прямо «в руки правосудия».

Кроме того, защита предоставила мою характеристику с места работы. Подчеркиваю, действительного места работы, которое указано в трудовой книжке, где говорится, что я с 2010 года работаю главным редактором «Муниципальной газеты». Защита предоставила письмо депутатов Донецкого городского совета, подписанное первым заместителем Донецкого городского головы. Защита предоставила ходатайство народного депутата Украины с просьбой отпустить меня под его личное поручительство.

Также защита предоставила документы, свидетельствующие, что я сама воспитываю двоих детей, а также выписки из моей медицинской карты о моем не самом цветущем состоянии здоровья.

Честно говоря, я сама была поражена тем, какой объем работы менее чем за сутки сделали Лиля, Полина и все остальные мои друзья. Они, действительно, молодцы, сделали огромный труд, за что я им очень благодарна. Но...

Для того чтобы суд вынес решение, всех нас попросили выйти в коридор на 15 минут. К этому моменту Шевченковский суд уже был практически пустой, только в соседнем с этим кабинете кто-то что-то праздновал. Мы пристроились в более прохладной нише на скамеечке, благо наручников на мне уже не было. Дети наперебой рассказывали о своих впечатлениях, с Лилей удалось нормально пообщаться, мы с Полинкой уже строили планы о том, куда поедem сейчас, потому что были уверены, что меня должны отпустить.

Вместо 15 минут ожидания приговора пришлось ждать полтора часа. И вот, судья вынесла приговор оставить меня под стражей на 60 дней! Абзац! Настоящее правовое госу-

дарство, где правосудие доверяет больше источникам из Интернета, нежели предоставленным документам.

Я посмотрела на нагло ухмыляющуюся красную рожу охранника, и тут меня прорвало! Я говорила, что они все еще ответят за то, что посадили невинного человека за решетку, что они герои только с беззащитными женщинами и детьми воевать, а если бы увидели хоть одного настоящего террориста, то полные памперсы наложили. Ведь ни одного настоящего бойца в плену нет, в основном – гражданские. «Нашли, тоже мне преступников! Настоящие преступники те, кто посылает одних граждан

Украины убивать других граждан Украины! Мирных людей, женщин, детей и стариков убивают! Ну, ничего, еще наступит возмездие! И Гаагский суд над ними не за горами!» – меня реально несло, и я уже не выбирала выражений.

«Вы действительно верите, что будет Гаагский суд?» – удивленно

спросил меня следователь. «Да, верю!» – уверенно ответила я и в глазах следователя увидела не просто удивление, а неподдельный интерес. Наверняка, он нечасто слышал такие слова от подозреваемых сепаратистов.

В шоке от этого решения была не только я, но и Лиля, дети и даже наблюдатель ООН. Но спорить с судом было бесполезно.

«Мама, это политическое дело, ты же знаешь. Не надо так нервничать», – успокаивала меня Поинка. И она была полностью права. Действительно, а чего еще можно было ожидать от украинского суда? Снисхождения и сочувствия? Глупо.

Посмотрев на лица и прокурора и следователя, я поняла, что они уже спят и видят, как «министра ДНР» посадили, мечтают, небось, о новых звездочках на погонах и званиях. Да и эти подружки Псаки не просто так полтора часа заседали, сочиняя решение. Наверняка им звонил кто нужно и

объяснял, что на самом деле надо писать в решении. И потом, о какой справедливости может идти речь в Шевченковском районном суде Киева, если те, кто сейчас находится при власти, равняется на супер демократическое государство Соединенные Штаты Америки, где сотрудники государственного департамента в своих официальных заявлениях

ссылаются именно на «наши источники в Интернете и социальных сетях». А, как говорится, Псаки, они и в Украине Псаки.

Подписав несколько бумаг и написав на имя следователя тогда же первое ходатайство на свидание с детьми (потом их будет много), я попрощалась с

Поинкой и Данилом и опять отправилась в заключение, продолжая негодовать. Ну, ничего, мы проиграли всего лишь этот суд, но не войну!

Вернувшись в камеру, я наконец-то увидела передачу от детей. Никогда еще до этого я с таким удовольствием не мылась под холодной водой, но с мылом (!) и не чистила зубы. Ну вот, хоть еще немного благ цивилизации добавилось за решеткой. И это уже не мало!

Весь следующий день 5 августа у меня ушел на ознакомление с тюремной библиотекой. Заключение в СИЗО разрешалось брать книги для прочтения, но только из местной библиотеки. Да и другого занятия, в свободное от допросов времени, здесь не было.

Так вот, в каталоге местной библиотеки я не обнаружила ни одной (!) книги Чехова, Булгакова и Гоголя. Мои мечты еще раз перечитать «Тараса Бульбу», «Собачье сердце», «Мастера и Маргариту», «Белую гвардию» или рассказы Антона Павловича в одночасье рухнули. Зато всякие Донцовы и Устиновы были в ассортименте. От перечитывания Акунина я тоже отказалась, решив, что хватит уже портить карму. Для того чтобы немного насладиться грамотным и красиво изложенным русским слогом, я попросила выдать рассказы Горького и томик Льва Николаевича Толстого.

Вечером принесли передачу от детей, в которой Поинка мне передала

и журналы. Один – гламурный для дам-с, другой – общественно-политический. Одна статья в нем меня особенно порадовала. Это собранные вместе записи статусов за неделю из Фейсбука одного моего друга, донецкого журналиста Игоря.

Странно, я ведь и раньше, до задержания все эти его записи из ФБ о жизни в осажденном городе читала, лайкала, некоторые комментировала, но именно сейчас они мне показались такими близкими, по-особенному ценными. Еще раз перечитав их, я как будто с другом поговорила. И на душе стало так хорошо, так спокойно.

Именно тогда я приняла решение тоже записывать все происходящее со мной с момента моего задержания. Поэтому на следующем свидании с детьми попросила передать пачку бумаги и несколько ручек.

Расскажите военную тайну

Утром 6 августа, сразу после завтрака, дежурный сообщил мне, чтобы я быстро собиралась на выезд. На этот раз в обязательную программу нашей встречи был включен допрос, не с пристрастием, но по существу.

Пока ждали адвоката, у меня появилась возможность неформально поболтать со следователем. Согласно установленного распорядка, с нами в кабинете у входа «скучал» охранник – совсем молодой парнишка лет двадцати трех. Поначалу он старался быть грозным и делал мне замечания, что можно, а что

нельзя делать. Но потом, видя наши почти «дружеские», я бы даже сказала «приятельские» отношения со следователем, он стал менее строгим и перестал грозно хмурить брови и надувать щеки.

«Анатолий Васильевич (так звали следователя), два дня назад, когда ваше начальство беседовало со мной в своем кабинете, они меня даже кофе угостили», – попыталась я выманить для себя дополнительные преференции. «Так вы с начальством хотите пообщаться или кофе?» – переспросил следователь. «Если можно, чашечку кофе. Сахара два кусочка», – набравшись наглости решила побаловать я себя маленькой радостью. На соседнем столе до сих пор лежал наш дорожный пакет с хлебом и печеньем, которое я и взяла к ароматному напитку (конвойный немного поупрямился, но следователь заверил, что еда не отравленная, и в своем кабинете он мне все равно умереть не даст). «Вот куда мне этот ваш пакет девать?» – возмущенно вопрошал он, и было заметно, что следователь действительно не мог найти ответ на этот вопрос. Поясню, что когда меня вводили в изолятор, то сразу сказали, что никаких продуктов с собой брать нельзя, пришлось

пакет оставить в кабинете управления СБУ. «Тоже мне проблема. Хотите, сами съешьте. Ну, или отнесите добрым бедным людям. Церковь у вас есть тут где-то рядом? Глядишь, вам это потом зачтется», – посоветовала я следователю. Было заметно, что такой вариант ему даже не приходил в голову.

«Привет, Толик! – в открытую дверь кабинета заглянул один из сотрудников СБУ. – Дай камеру ненадолго, очень надо». Следователь поднял от бумаг

голову, посмотрел на него, потом на видеокамеру, лежавшую у него на столе, затем на меня и ответил: «Мне самому сейчас нужна камера. Не дам». Однако сотрудник не ушел и продолжал смотреть то на следователя, то на меня, то на охранника. «Ну, хотите, возьмите мою видео-камеру, – предложила я. – Она у вас все равно без дела среди вещдоков валяется, а так хоть послужит на благо украинского государства». Следователь недовольно засопел, а сотрудник прыснул смехом и быстро удалился, наверное, дальше искать камеру. Но через некоторое время его фигура опять замаячила в дверном проеме: «А флешку на четыре гига, может, найдете?» «У меня точно нет. Ничем не могу помочь», – уверенно ответила я, а следователь, подняв на него голову, недовольно отрицательно помотал.

Я попросила маркер, чтобы подчеркнуть кое-какие места в документах, которые могут мне понадобиться. Следователь искал на своем, а потом и на чужом столе, еле отыскав оранжевый пожеванный маркер. «Нда, не любит вас руководство. Ни видео-камеры, ни флешки, ни маркера у вас нет», – «пожалела» я следователя.

В этот момент зазвонил его телефон, и он пошел встречать адвоката. Когда появилась Лиля, мы пошли с ней пошептаться в коридоре в углу (свободного кабинета для беседы с защитником опять не оказалось). Обсудив, какие каверзные вопросы может задать на допросе следователь и как на них лучше отвечать, мы вернулись в кабинет. Главная установка – ни в чем не признаваться.

Следователь зачитал фабулу протокола, включил видео-камеру, и мы приступили к допросу. Признаться, не могу утверждать, что его вопросы были какие-то сложные или с подвохом. Может, конечно, я этого просто не заметила, но отвечать на них мне не представляло никакой сложности.

С – Как вы попали на съезд ДНР 16 мая?

Я – Сотрудник пресс-службы по телефону сообщил мне, что там будет какое-то мероприятие.

С – А как вы прошли в здание, где проходил съезд?

Я – По журналистскому удостоверению.

С – А кроме вас, там, в зале были еще журналисты?

Я – Судя по тому, что велась съемка, были камеры, то да, журналисты были.

С – А как вы раньше получали информацию, что в ОГА будет какое-то мероприятие?

Я – Приходила рассылка от пресс-службы по электронной почте.

С – Где обычно находились журналисты во время заседаний?

Я – Когда еще была обычная Донецка облгосадминистрация, то все журналисты находились в пресс-центре, расположенном рядом с залом заседаний на втором этаже.

С – А почему вы тогда 16 мая не были в пресс-центре?

Я – После захвата здания ОГА 6 апреля это помещение не работало. Я не знаю, что с ним произошло. С того момента я там больше ни разу не была.

Ну и так далее в течение часа. Видела лидеров ДРН, не видела, знаю кого-нибудь из ДРН или не знаю. Конечно, кое-кого видела и знаю, я же журналист, на пресс-конференции ходила, фиксировала, снимала видео, фото.

С – И последний вопрос. Ваше мнение о той ситуации, которая сложилась в стране.

Я – Я мирный человек, мирной профессии – журналист. И то, что я сейчас вижу, это ужасно. Идет война, погибают люди, простые люди, дети, старики. Разрушаются дома, бомбят города – это ужасно. Это большая трагедия.

Следователь выключил камеру. Признаться, за этот час я очень устала, не потому, что боялась подвоха от следователя, а потому, что за этот короткий промежуток времени пришлось вспомнить события последних месяцев, таких трудных, непростых, страшных месяцев войны.

Записав это увлекательное видео, следователь стал его перекачивать с камеры на компьютер. Согласно данным программы, на это должно было уйти около часа. Воспользовавшись тем, что все равно необходимо дождаться, когда все видео скопируется на ПК, следователь предложил заодно сдать тесты для графической экспертизы.

Не могу утверждать, что это очень уж интересное занятие, но, как говорит молодежь, прикольно. Всего было 24 теста, поделенных на три вида:

1) необходимо поставить свою подпись около десяти раз на листе белой не расчерченной бумаги:

- сидя, листок лежит на столе;
 - сидя, листок лежит на десяти листах;
 - стоя, листок лежит на столе;
 - стоя, листок лежит на десяти листах бумаги;
- потом – то же самое на расчерченном листе;

2) написать фразу по той же схеме;

3) написать цифры от 1 до 100 по той же схеме.

Поверьте, для нас, людей избалованных техническим прогрессом, персональными компьютерами, ноутбуками, планшетами и прочей оргтехникой, пройти эти тесты – целое испытание. К завершению этой муки у меня даже пальцы болели на правой руке. Но делать нечего, надо было писать и оставлять свои образцы почерка. Тем более что и следователю сотоварищи

было что почитать и сравнить, например записи в моем рабочем блокноте. Правда, как они будут разбирать мои каракули, я не представляю. Я сама порой их с трудом разбираю.

В промежутках между тем, как я заполняла тесты, садилась, вставала, писала, мы уже по-свойски беседовали с адвокатом, следователем, периодически в разговор вступал и охранник (когда следак выходил из кабинета), при этом, правда, оглядываясь на дверь, чтобы его никто не услышал, ведь ему по службе вообще нельзя с заключенными общаться. Команды отдавать можно: «Стоять, идти», – не более того.

«Да понятно, что кому-то просто выгодно разделить страну, рассорить народы, чтобы мы поубивали друг друга. Кто-то о своих капиталах и нефтедолларах думает, при этом, заставляя идти брат на брата, – возбужденно говорил молодой конвоир. – Вот там, на Майдане, тоже так было. С одной стороны стояли беркутовцы, с другой – молодежь, а потом вдруг кто-то третий начал стрелять и в одних и в других, и между ними началась бойня».

Я, конечно, согласилась с парнем, он абсолютно прав. Но вот про себя подумала, что он лишь мне это говорит так, будто делится сокровенным, о чем не может сказать другим, видно боится говорить правду. Чего он боится? Может, того, что услышат его мнение, не совпадающее с официальной точкой зрения нынешней власти. Естественно, это не понравится его руководству, не дай Бог, его заподозрят в симпатии к бывшей «злочинной власти Януковича» и к сепаратистам, а там и с работы выгонят с волчьим билетом. И такой вариант вполне возможен.

Может, конечно, я чего-то в этой жизни не понимаю, но у государства, в котором даже представители силовых структур боятся вслух говорить правду, будущего нет. Я в этом твердо уверена. Вот именно с таких перешептываний по секрету и начинается новая диктатура. Причем, она по сути своей еще и тем цинична, что прикрывается интересами народа и нации. Ах, вам не нравится государственное устройство, децентрализацию и самостоятельность на местах вам подавай, а может, вы потом и федерацию свою захотите, а затем еще и отделиться решите? Так вы – сепаратисты, зрадники, террористы и государственные преступники, которых надо уничтожить. Всех и срочно! Но во имя блага народа Украины! Слава Украине! Героям слава!

Вам эта схема ничего не напоминает? Кажется, это уже где-то когда-то проходили. Но, видимо, кто-то очень плохо учился в школе и особенно плохо изучал историю. Жаль, очень жаль. Вот теперь из-за этих двоечников страдает и погибает целая страна.

А по завершению истории про первый допрос, расскажу немного о хорошем. Как я уже говорила, одной из проблем заключения является ограничение в обычной воде. Бутилированную нельзя передавать заключенным, а закупка товаров проходит два раза в месяц и то с большим трудом. Зато во время работы со следователем можно попросить воды и пить ее столько, сколько влезет.

Заканчивалась процедура допроса и взятия образцов моего почерка, а я еще не допила бутылочку «Боржоми», которую мне принесла Лиля. И, о чудо! – мои конвоиры позволили мне забрать ее с собой, но по дороге в СИЗО выпить в машине и выкинуть бутылку перед входом в изолятор. Когда мы подъехали к воротам изолятора, молодой охранник тихо предупредил, чтобы я допивала воду, а при выходе из машины сам взял пустую бутылку и незаметно для начальства выкинул в урну. Все-таки и он тоже неплохой

парень, просто работа у него сволочная.

Просто будни и не просто встречи

Следующие четыре дня прошли в обычных тюремных хлопотах и ожиданиях. Когда ты ограничен практически во всем, то начинаешь ценить самые, элементарные вещи. Например, никогда бы раньше не подумала, что для меня станет жизненно важным открытое окно и просто глоток чистой питьевой воды. И то, что это важно, понимала не только я, но и охранники, чем они и пользовались. Казалось бы, простые вещи – проветрить камеру, открыть окно, дать чашку кипяченой воды, пока родные не принесли кипяtilьник, чтобы не пить воду из-под крана. Ан нет! Это же слишком

хорошая жизнь будет у заключенных.

«У нас немає кип'ятка і чайника (вчера на другой смене был, а сегодня вдруг не стало). Пейте воду з-под крана». «Не положено окно открывать, только на 15 минут – в обед и вечером». Причем, где написано, что не положено, никто не говорит. Зато они выучили другую «гениальную» фразу: «Ничем не могу помочь. Мы с вами в одинаковых условиях находимся, нам тоже жарко!». Абзац! Может, поменяемся местами?! Ты тут посидишь, в камере, а я пойду погуляю во дворе без наручников.

И что интересно, не каждая смена так по-свински себя ведет. Но, как только радио во дворике настраивается на волну «Промінь» (с 8.30 до 15.00 на время прогулок орет динамик), значит, на смену зашли сволочи, которые постараются сделать этот день для тебя незабываемым, под сопровождение украинских патриотических песен. А когда звучит «Ретро-FM» или «Хит-FM», то и сотрудники охраны ведут себя более прилично: могут окно на целый день открыть, воду кипяченую дадут, не хамят, террористкой не называют.

Что это – совпадение? Думаю, это звенья одной цепи, взаимосвязанные детали восприятия мира разных людей. На дне ящика одной из тумбочек в моей камере я обнаружила написанную аккуратным каллиграфическим

почерком фразу: «Все проходит. Пройдет и это...» Кто бы спорил, но только не я.

Вот еще одно, абсолютно непонятное для меня ограничение – часы. Почему-то у заключенных забирают это достижение технического прогресса. Наручные часы у меня забрали еще в Мариуполе, так же, как и ювелирные изделия, включая серебряный православный крестик с цепочкой. До сих пор не понимаю, чем могут быть опасны наручные часы. Настольные часы в камеру тоже нельзя проносить, ни механические, ни электронные. На вопрос, который час, охранники отвечают: «Около, шести. Пусть вам родственники телевизор принесут, по телевизору время будете узнавать». Вот где логика? Часы нельзя, а телевизор – можно. Ну что же, телевизор так телевизор.

В четверг, 7 августа, мне передали это окно в мир. Но наличие датчика времени здесь все же второстепенное преимущество. В условиях информационного вакуума телевизор вещь весьма нужная. Правда, в системе кабельного провайдера, подключенного к изолятору, всего 18 каналов, ну и все, понятно, украинские. Даже «Евроьюз» нет. Но тем интересней и увлекательней становится просмотр новостных блоков.

Помните, как во время СССР шутили, что в газете «Правда» нет известий, а в «Известиях» – правды. А еще был анекдот, что советские люди обладают уникальной способностью – читать между строк. Вот и с украинскими СМИ то же самое. Новостных блоков и выпусков много, но вот ни правды, ни известий в них нет. А если хотите узнать, что же происходит на самом деле, то смотрите между картинок и слов.

«Сегодня наши войска продолжили наступление на террористов и продвинулись на 150 км», – вещает представитель сил АТО, не уточняя,

в каком направлении они так браво наступают. Например, от Горловки, на подступах к которой уже месяц торчит нацгвардия, до Донецка примерно

60 км, и если силы АТО в наступлении прошли 150 км, то они должны были прогуляться от Горловки к Донецку и обратно.

Или еще новость. «Сегодня силы АТО освободили города Краснодон, Шахтерск, Углегорск», – браво сообщает диктор, а на следующий день выясняется, что эти города остаются под контролем сепаратистов, а «ошибочную информацию разместили на официальном сайте АТО хакеры, которые его взломали». Какие злобные и нехорошие эти компьютерные пираты – залезли на чужой сервер, раструбили о победах украинской армии, а пресс-службе потом за них отдувайся.

Вот такие особенности просмотра украинских телеканалов в условиях отсутствия альтернативы. Хорошо, что у меня как у журналиста, который до последнего времени пребывал в Донецке, существует иммунитет на этот бред, а вот обычному зрителю с этим помоечным потоком сложно справиться.

Теперь о встречах. Конечно, самая долгожданная – это встреча с родными и близкими. В понедельник, 11 августа, я наконец-то дождалась желанного свидания с детьми. На тот момент уже два заявления следователю написала и передала, а третье только утром дежурному отдала, а тут такая радость! Целый час вместе, пусть и в присутствии сотрудника, вернее сотрудницы.

Свидание в изоляторе СБУ проходит в небольшой комнате, где с одной стороны стола сидит заключенный, а с другой его родные.

Можно говорить о чем угодно – погоде, природе, новостях из дома, но только не об уголовном деле, по которому проходишь. То есть самое главное как раз обсуждать нельзя. «Если будете говорить о деле, я буду вынуждена прекратить свидание!» – сразу предупредила контролера. Ладно, спасибо,

что сказали, будем шифроваться.

Честно, я не знаю, как описать первую встречу с детьми в СИЗО, просто переполняют чувства. Это очень личное. Мы все говорили, говорили, и я все не могла наглядеться на них. Могу сказать только одно: у меня очень хорошие дети и ради них я буду жить долго и счастливо! Несмотря ни на что! Еще в категорию приятных встреч в заключении входят визиты адвоката. Я уже рассказывала о своем защитнике Лиле, очень светлый человек, прости-те за банальность – луч света в темном царстве, без неё я не смогла бы узнать, что же там, за стенами тюрьмы на самом деле происходит. Надо отметить, что во время общения с адвокатом, контролеры в комнате свиданий не присутствуют. Но я прекрасно понимала, да и Лиля это подтвердила, что нас все равно внимательно слушают и пишут.

Несмотря на всевозможные козни со стороны следствия, она упорно добивалась соблюдения моих законных прав, связывалась с нужными людьми, подсказывала мне, как лучше поступить и что лучше сказать, а

где промолчать, передавала от меня информацию детям, друзьям и близким, да и мне приносила от них известия.

Вы скажете, что в этом нет ничего особенного, в этом и заключается работа адвоката. Это, конечно, так, но эту работу можно делать обычно, формально, а можно и вовсе не делать. Я не знаю, почему она так по-человечески ко мне отнеслась, но один факт меня просто поразил. Оказывается у этой хрупкой

маленькой женщины четверо (!) детей. Мне кажется, что это объясняет многое. Не может женщина, которая в наше время отважилась на такой героический поступок, работать формально.

Как рассказала во время очередной нашей встречи Лиля, апелляцию по мере пресечения назначили сначала на 19 августа, но потом перенесли на 21

августа. Как она объяснила, это нормальная практика. Сначала назначается одна дата, об этом узнает общественность и журналисты, готовые прийти на заседание, а потом суд пере-

носится на другой день, а может, и еще на другой. В нашем случае меня даже устраивало то, что перенесли слушание со вторника на четверг, тем более что, как я поняла, вопрос с привлечением общественности и прессы у нас был самым слабым звеном. «Не важно, какие журналисты придут и напишут ли они то, что нам надо. Главное, чтобы пришли, и чем больше, тем лучше, пусть будет шумиха в СМИ. Нам необходимо подключить и задействовать все варианты. Информацию об апелляции надо слить через несколько источников», – пыталась объяснить я Лиле.

Находясь в полной изоляции я надеялась, что привлечение общественного мнения поможет мне повлиять на суд. Увы, на этот счет я тогда заблуждалась. На украинский суд повлиять, опираясь на мнение общественности невозможно. Тем более, что мнение той общественности, которую здесь не хотят слышать, которое совпадает с общепризнанными понятиями о свободе слова, защите прав журналистов, да и просто прав человека, не прозвучит в украинском суде.

И еще на одну немаловажную деталь, которую обязательно надо учитывать, обратила внимание Лилия, это мой внешний вид на суде. «Я хорошо знаю судью, которая будет у нас председателем на заседании, ни в коем случае нельзя на слушание приходить в шортах-футболках. Даме все равно, каким образом вы попали в заключение, по её мнению в зале суда подозреваемый, обвиняемый должен выглядеть прилично», – пояснила она.

В моем случае это было несколько проблематично, поскольку почти все вещи остались в багажнике моего автомобиля, который стоял на парковке Мариупольского СБУ, а часть, которую мы отправляли посылками из Донецка в другой город, вообще пропала. Так что было необходимо покупать новые вещи. Понятно, устроить шопинг у меня бы не получилось, потому я попросила через Лилию дочку Полину, чтобы она приобрела мне брюки, блузку и туфли в тех сетевых магазинах, в которых мы с ней частенько делали покупки.

«Мои размеры одежды Полинка знает. Пусть купит светлую летнюю блузку и легкие брюки», – попросила я. Когда же мне через несколько дней принесли передачу с одеждой, то я оценила чувство юмора своей дочери. В общем, все выглядело прилично, да и с размером она действительно угадала – светлые хлопковые брюки сидели на мне как влитые, а вот белая

блузка... Она хоть и была зарубежного производства, но фасон и декоративное шитье на ней делали ее на 100% похожей на украинскую вышиванку! Будем надеяться, что такой наряд хоть произведет

положительный эффект на судей.

Однако, помимо приятных встреч, в заключении бывают и неприятные, хотя и не менее «увлекательные». Так, после очередной «доброжелательной» смены в четверг 14 августа, когда пришлось вызывать «скорую», я написала жалобу на действия сотрудников на имя начальника СИЗО, а также ходатайство на его же имя предоставить выписки о моем состоянии здоровья, которые фиксировались врачами.

Да и 15 августа уже с утра пришлось обратиться к врачу с жалобами на самочувствие, ведь окно в моей камере не открывали почти сутки, воздух был спертый, душно. Как результат уже с утра давление у меня было 140/100. Тюремный врач прекрасно понимал, чем чревато то, что у меня каждый день повышается давление, даже обещал написать рекомендации администрации по содержанию на мой счет. Однако по тому, как он прятал глаза, я прекрасно понимала, что администрация все его рекомендации имеет в виду. В этом я убедилась буквально через час после визита к тюремному врачу. Доктор, конечно, дал мне лекарство, и я лежала в камере, приходила в чувства; мне даже стало лучше. В этот момент в окошко заглянула сотрудница и сказала, чтобы я собиралась к начальнику. Да запросто! Даже интересно, что такой большой босс хочет мне сообщить.

Меня привели в кабинет на первом этаже. Обстановка была не то чтобы шикарной, но, по сравнению с кабинетом моего следователя, просто хоромы с кондиционером. Во главе длин-

ного стола сидел важный мужчина лет 40—50 с благородной сединой и абсолютно никаким пустым лицом.

С правой стороны от него сидел усатый мужчина поста-ше, лет шестидесяти, с круглым лицом и усталыми грустными глазами. Его начальник представил как своего заместителя.

«Здравствуйте, Елена Владимировна, присаж-вайтесь, – указал начальник на черный кожаный диван, стоявший слева от него у стены. – На каком языке хотите общаться? Я смотрю, вы мне написали тут клопотання даже на украинском языке, хотя по образованию вы учитель русского языка и родились в России». На столе перед начальником лежало мое личное дело. Надо же, как он подготовился к беседе.

«Можем общаться как на русском, так и на украинском, мне все равно, я с пяти лет живу в Украине», – ответила я, и начальник вздохнув с облегчением, продолжил по-русски. Да, судя по всему, ему самому легче говорить на «клятий вражій мові», поняла я. Это меня же улыбнуло, выражаясь на сленге активных пользователей социальных сетей.

«Я хотел с вами поговорить по поводу вашего ходатайства, которое вы сегодня мне направили, – продолжил начальник. – Конечно, согласно ст. 9 Закона Украины „Про предварительное содержание“, вы, безусловно, имеете право на защиту, часовую прогулку и т. д. Но вот сведения об условиях вашего содержания, в том числе и выписки медицинских показаний, мы не имеем права вам предоставлять. Поэтому вашу просьбу мы удовлетворить не можем». При этом он так гаденько улыбался, вроде как показать хотел, что он умный, а я – законы не знаю.

«Хорошо, а кто может получить такие сведения о моем здоровье?» – спокойно продолжила я. Начальник, апеллируя статьями законодательства, пояснил, что если следователь или защита захотят получить эту информацию, то он ее подготовит. Казалось бы, о чем еще говорить, он пояснил мне мои права относительно ходатайства, вопрос исчерпан, я могу идти. Ан нет, гражданину начальнику хотелось поговорить. Извольте, я не тороплюсь в душную камеру, тут под кондером гораздо уютней.

«И вообще, вы знаете, по моему опыту я не раз наблюдал, как практически у всех людей, попадающих сюда, вдруг ухудшается самочувствие», – с видом бывалого заявил он. «Вы хотите сказать, что, попадая сюда, все симулируют болезнь? Ну, так называйте вещи своими именами. Вот только мне сложно симулировать и изображать повышенное давление и гипертонию. Это не головная боль», – заметила я. «Однако это не помешало вам заниматься организацией террористической группы, когда на вашей Донетчине (ненавижу это слово, – авт.) гибнут люди», – начальник начал терять самообладание и перешел на более повышенный тон.

«Да, в моем Донецке гибнут люди, но я не имею никакого отношения к терроризму и не надо меня обвинять во всех смертных грехах. Меня только подозревают в причастности, причем никаких доказательств нет», – резко перебила я этого хама.

И тут «Остапа» совсем понесло, начальник прямо на крик перешел. «Это вы следователю будете рассказывать, как с Гиркиным и вашим другом Губаревым ДРН создавали. И нечего мне тут указывать, что мне делать. Вы все равно будете сидеть», – орал он.

«Ну, во-первых, я не дружу с Губаревым и Гиркиным. Во-вторых, если я и буду сидеть, то только по решению суда. Только я еще раз повторю, что

я – журналист, который до конца выполнял свой профессиональный долг в зоне боевых действий, описывая происходящее в своей газете, – пыталась я вернуть в чувства начальника СИЗО. – Что же касается выписки из медицинской карты, я так поняла, если мой адвокат обратится к вам с ходатайством, то вы предоставите информацию». «Да, я вам все сказал», – рявкнул раздраженно начальник.

Мне показалось, что он и забыл, зачем меня позвал, потому что на последней фразе споткнулся, но потом спохватился и, взяв телефон, крикнул в трубку подчиненным, чтобы заходили за мной.

Все это время его заместитель сидел и молча наблюдал за нашим диалогом. Не дожидаясь приглашения, я поднялась с диванчика под уже более

умеренное бухтение начальника о террористах-сепаратистах и агентах Кремля. Открылась дверь кабинета, и вошла сотрудница. «Все, идите, до свидания», – грозно прорычал напоследок начальник, показывая свою важность перед подчиненными.

Мне реально стало смешно от того, как он пытался сохранить лицо при плохой игре, и, еле сдерживая смех, я ответила: «До новых встреч». Вот почему-то я была уверена, что мы еще ним увидимся.

Признаться, эта встреча произвела на меня двойное впечатление. С одной стороны, я еще раз убедилась в том, что отношение ко мне со стороны охранников предвзятое. Судя по словам начальника, я для них террористка, пророссийская шпионка, сепаратистка, подруга таких же террористов как и я Губарева, Гиркина ну и Путина заодно. В общем, «клятая москалька». Но с другой стороны, глядя, как этот биг-босс орет и брызжет слюной, я понимала, что предьявить-то мне на самом деле, кроме эмоций, нечего. И это не могло меня не веселить. Поэтому в камеру я шла с довольной физиономией. Я его сделала!

Не могу утверждать на все 100 процентов, что именно встреча с начальником изолятора повлияла на улучшение содержания, пусть даже незначительное, но не заметить этого было невозможно.

Ну, во-первых, мою камеру действительно стали проветривать с утра, а не ближе к обеду, когда солнце уже было в зените, а в помещении стояла такая духота, что я теряла сознание от спертого воздуха. Во-вторых, выводить на прогулку меня тоже стали утром, пока не жарко. И в-третьих, сотрудники

СИЗО стали заметно вежливей. Уверена, что в кулуарах они в деталях обсудили нашу с начальником встречу и сделали соответствующие выводы.

В понедельник, 18 августа, когда дежурный как раз из самой вредной смены раздавал завтрак, на мою просьбу не класть много каши, уточнил, достаточно ли, а то я еще буду писать, что меня здесь не кормят. При этом он положил вместе одной аж две котлетки. Я ему пообещала, что жаловаться на это не буду.

Но, в то же время, эта же смена стала проявлять по отношению ко мне больше бдительности. Когда в тот же понедельник меня выводили на встречу с адвокатом, то охранница не просто тщательно ощупала одежду на мне, но и заставила снять носки и чуть ли не на зуб попробовала тапочки, обычные комнатные тапочки.

А выводя меня из камеры, охранница отметила с улыбкой, указывая своему напарнику на стулья, стоявшие возле тумбочки: «Диви, седушки у кольорах національного прапора». Действительно, на табуретках лежали квадратные поролоновые седушки желтого и голубого цвета. Я их захватила вместе с теплым шерстяным пледом, который всегда лежал в багажнике машины на всякий случай. Кстати, и плед и седушки мне действительно пригодились в камере. Увидев такую реакцию на «интерьер» в помещении, я решила как-то разрядить обстановку и стала объяснять, что обычно эти седушки раздают болельщикам на стадионе «Донбасс Арена» во время футбольного матча, а когда ведущий между таймами просит фанов поднять седушки, то арена окрашивается в национальные украинские цвета.

Однако реакция конвоя на мои слова была прямо противоположная ожидаемой мною. Вместо того, чтобы как-то одобряюще улыбнуться, они

наоборот, напряглись и зло посмотрели на меня. Я даже не поняла сразу, в чем дело-то. А потом до меня дошло. Вот когда они последний раз смотрели футбольный матч на таком стадионе, где что-то раздают и есть ведущий? Да никогда! Поэтому мои рассказы о таких чудесах, которые считаются обычным делом в Донецке, их только раздражают.

Кстати, во время работы с адвокатом она спросила, не подселили ко мне соседей? Услышав отрицательный ответ, Лиля отметила, что обычно в этом заведении свободных мест

не бывает, особенно сейчас. «Интересно, так, может, я особо опасный преступник?» – пошутила я, хотя над этим действительно стоило задуматься.

Решение 50x50, но в нашу пользу

Приближался срок слушания в апелляционном суде по избранию меры пресечения. На очередной встрече с Лилей она мне сказала, что, помимо нее,

мои интересы еще будет представлять хорошо мне знакомый адвокат из Донецка, мы вместе в одной команде работали в нескольких избирательных кампаниях. Увидев мое довольное лицо, Лиля поинтересовалась, хорошо ли это?

Конечно, хорошо, и не только потому, что этот парень мой земляк, но некоторые нюансы моего дела и обстоятельства событий последних месяцев перед моим заключением, увы, я не могла поведать защитнику, которого я

узнала три недели назад. Даже если этот защитник добросовестно выполняет свою работу, даже если человеческие качества не могут не вызывать симпатию. Просто слишком много людей заинтересованы в том, чтобы я потянула за собой не менее большее количество людей. И последствия такого моего поступка могут быть весьма печальными.

На встрече мы еще раз продумали все детали предстоящего суда. Удалось заполучить от следователя копию моей трудовой книжки, как доказательство того, что я уже 15 лет являюсь журналистом, а последние четыре года – главный редактор донецкой газеты, и с этой должности меня никто не снимал и не увольнял. Кроме того, Лиля раздобыла еще некоторые документы, подтверждающие, что я никуда не скрывалась, а просто ехала в отпуск с несовершеннолетним сыном.

И еще, что немаловажно, Лиля принесла ксерокопии моей медицинской карты с диагнозом и рецептом, которые были зафиксированы еще год назад в одной из донецких больниц. Это давало возможность наконец-то аргументировать и тюремному врачу и администрации, что мои жалобы на самочувствие не безосновательны.

Кстати, на том, как в местах не столь отдаленных Украины оказывают медицинскую помощь заключенным, хотелось бы остановиться более подробно. Отсутствие воды и редкое проветривание помещения в условиях рекордной для Киева жары привели к тому, что я несколько раз за две недели вынуждена была обращаться за медицинской помощью.

Сначала тюремный врач констатировал повышение давления и температуры. Потом несколько раз охранники вызывали скорую помощь. Доктор, приехавший по вызову, был как-то очень любезен и предупредителен, улыбался, сочувствовал, уточнял, как же именно я себя плохо чувствую, где болит, как давно у меня такой диагноз. При этом он пытался шутить, балагурить. Эдакий доктор Айболит, говорящий на суржике.

Если честно, то у меня вызвало удивление, когда, проверяя мое давление, он констатировал 130/100, мне казалось, что я чувствую себя гораздо хуже. Да и температура у меня точно была не 36,6 (градусник под мышкой мне позволили держать около минуты, подержав его перед этим под холодной водой для дезинфекции), обычно при таком состоянии ртутный столбец поднимался не ниже отметки 37,1. Но оснований не доверять врачу, который приехал на «скорой» по вызову, у меня не было.

И каково же было мое изумление, когда на мою просьбу передать копии из медкнижки тюремному медику, ко мне в камеру зашел в форме при погонах сотрудника СБУ уже знакомый доктор Айболит. У меня от удивления аж челюсть отвисла, я на минуту даже дар речи потеряла. Выходит, что в прошлый раз я жаловалась на хамское отношение и игнорирование моих просьб дать стакан воды и открыть окно дежурными СИЗО, сотруднику этого же учреждения! Возможно, это и нормальная практика, но довольно подло, как по мне. При этом, на мой недоуменный вопрос, что я принимала доктора за врача «скорой», он, не моргнув глазом, ответил, что в свободное от основного места работы время он подрабатывает на «скоряке».

Ну-ну... Интересной была его реакция и на копии моей медкарты. «Это, конечно, хорошо, что вы сделали копии, но подтвердить диагноз сможет только справка с мокрой печатью вашего лечащего врача, что вы у него наблюдались в течение такого-то времени, принимали определенные препараты. Тогда мы сможем назначить какое-то лечение», – скаля зубы, объяснил он. На мои пояснения, что сейчас это сделать весьма затруднительно, потому что в Донецке идет война и если мои друзья и родственники даже найдут наблюдавшего меня врача (что не факт, ведь многие уехали), то доставить этот документ в Киев практически невозможно – поезда не ходят, автобусы тоже. На это Айболит с гаденькой улыбкой предложил передать справку факсом.

И все же мне удалось уговорить его на компромиссное решение – закупить за мой счет лекарства, которые были мне ранее назначены согласно копии рецепта, который таки был выписан (и чудом сохранен) на мое имя. Представляю, как непросто приходится тем заключенным, у которых нет возможности нормально работать с адвокатом, а родственники далеко или не очень-то стремятся помогать. А то, что такие в украинских тюрьмах есть, я убедилась буквально через пару дней.

Накануне суда я практически не спала, все мысли о предстоящем слушании в голову лезли, ведь от этого решения зависит очень многое. После завтрака, 21 августа мне приказали собираться. Новую блузку и брючки пришлось надеть под черные кроссовки без шнурков. Моветон, конечно, но, согласно распорядка, другую обувь ни с пряжкой, ни на каблуках мне передавать не разрешили. После очередного «тщательного осмотра» меня погрузили в автозак, которую на этот раз охраняли совсем юные курсантики МВД.

Трое почти наголо бритых парнишек по очереди курили, забирая последний кислород в провонявшейся кутузке, и жутко матерились, рассуждая о своей непростой службе, суке командире и о предстоящих планах на выходные, до которых оставался всего один день.

«А в п'ятницю ще встигну у кіно с девочкой сходить, – это была единственная фраза без брани. – Пацки казали, що нові „Черепашки нінзя“ прикольні, девочкам нравятся». Дальше разговор продолжался на нелитературном языке. При этом мое присутствие, равно как и присутствие еще одного «клиента» на соседнем «стакане» за решеткой, их нисколько не смущало, мы для них просто не существовали, как будто не живых людей перевозили, а дрова.

Кто ехал со мной в машине, я на тот момент не могла видеть, единственно, что было понятно, это – мужчина, потому что когда мы прибыли к пункту назначения, то первой приказали выводить женщину, то есть меня.

Приехали около 11 часов. Разница между районным и апелляционным судом даже при ограниченных обзорных возможностях заключенных была заметна. Боксы предварительного содержания по районным меркам просторные, под высокими потолками над решетками и сетками была проложена серьезная вентиляционная система, да и курить в камерах сотрудники охраны запрещали, правда, судя по периодически возникающему дыму, было понятно, что заключенные все же курят тайком.

Боксов здесь было много, около двух десятков, и одиночных, как у меня, и вмещающих по 3—4 человека. Стены моей камеры украшала «наскальная живопись», соответствующая месту содержания. Над зелеными панелями на белой стене с одной стороны была нарисована огромная зеленая свастика, а под ней написано: «Адольф, проснись!», а продолжение фразы «красовалось» на другой стене: «Менты ... уеют»!!! На стене напротив кто-то написал молитву, а два слова возле двери вселяли оптимизм: «Донецк рулит».

«Предварилровка» гудела, как улей. Опытные сидельцы рассказывали последние сплетни и подробности своих дел, по которым сейчас будут слушания. «Толик, – пытаюсь перекричать общий гул, слышался еще совсем молодой женский голос, – поговорить надо, очень серьезно!» «Малая, я не могу тебе помочь – сифилитик», – под смех товарищей по несчастью отвечал ей Толик. «Да нет, не то. Надо, чтобы ты достал опять то, что в прошлый раз.

У меня лаве есть», – настаивала дама. «Нету ничего. Все уже употребили», – пытался отвертеться от нее кавалер.

Постепенно стали вызывать доставленных в залы суда. «До залы!» – кричали охранники и называли фамилии. Хотя гул немного стих, людей по боксам сидело еще много. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось петь, на память пришел романс «Гори, гори, моя звезда». Когда я была еще совсем маленькая, то на домашнем магнитофоне была запись этого романса в исполнении Анны Герман. Я сотни раз изображала великую певицу возле зеркала, со скалкой вместо микрофона в руках. Странно, но сидя в «предварилровке», нахлынули воспоминания детства, да и слова этого романса как-то соответствовали настроению.

Я запела. Сначала очень тихо, практически бормоча слова под нос, потом все громче, а на третий заход почти во весь голос. Интересно, что чем громче я пела, тем тише становилось вокруг. Замолчали как заключенные, так и охранники. Примерно через полчаса я прекратила петь, удовлетворив свои вокальные амбиции (ведь в школе я даже солировала в хоре), и поняла, что вокруг полная тишина, меня внимательно слушали. Через пару минут в соседней камере один сиделец спросил другого: «А ты латинский язык знаешь, изучал?» Для меня это было так неожиданно, что я даже рассмеялась, но тихо.

Вскоре в «предварилровке» началось какое-то оживление. Судя по словам конвойных, предстояла какая-то проверка. Они зашикали на шумных заключенных и приказали сидеть тихонько и помалкивать. Послышались шаги и голоса, которые точно принадлежали не молоденьким курсантам.

«Доброго дня!» – преувеличенно вежливо произнес женский голос. В ответ ей также слащаво ответили, что день действительно добрый. Был слышен еще какой-то женский голос, по звуку открывшейся двери стало понятно, что пришедшие зашли в один из боксов. Постепенно комиссия переходила из одной камеры в другую и везде была слышна эта неуместная фраза: «Доброго дня!», которая в тюремных стенах звучала как издевка.

В мою камеру гости не пожаловали, но когда они проходили мимо, то в маленькое окошко я увидела, кто, собственно, нагрянул с проверкой в апелляционный суд – уполномоченный Верховной Рады Украины (парламента) по правам человека Валерия Лутковская со своей свитой. И тут слышалось еще два мужских голоса и, судя по интонации, они были не в восторге от присутствия здесь этой проверки. Они начали вежливо выяснять, чем обязаны и что, собственно, происходит и почему их (как оказалось, это пришли из администрации суда) не предупредили о визите.

Если честно, то итог их беседы был понятен с самого начала. Омбудсмен ссылалась на какую-то постанова и свои обязанности, мол, все по закону, судебное начальство тоже выразило «счастье» принимать у себя высокопоставленных контролеров и высказывало готовность все, что нужно, само показать. Обычное чиновничье расшаркивание, длившееся около получаса, которое, признаться, порядком надоело и сидельцам, и охранникам. Поэтому, когда проверяющие в сопровождении администрации наконец-то удалились, то и те и другие с облегчением вздохнули.

«Ну шо, ушли уже? – спрашивали с тревогой конвоиры. – Такая проверка из Верховной Рады, шо и начальство пересрало». «Тоже мне фотокорреспонденты. Ты видел, она меня фоткает на мобилу! – слышался возмущенный голос в одной из камер. – А она меня спросила, хочу ли я, чтобы она меня фоткала?!» Обсуждение визита неожиданных гостей длилось еще некоторое время, а когда страсти по омбудсмену уже стихли, наконец-то прозвучала фраза: «До залы!», – где вместе со мной

назвали фамилию еще одного человека. Было уже два часа дня, когда меня и его под усиленной охраной подняли на лифте на один из верхних этажей и проводили в зал заседания.

В отличие от меня, мой товарищ по несчастью был в наручниках, которые с него сняли в зале только после того, как нас завели за железную решетку.

Вначале прошли слушания по трем гражданским делам, которые не имели к нам никакого отношения. Они слушались быстро, практически «на автомате», и были не интересны. Но за это время мы с соседом успели познакомиться.

Его звали Владимир, он был из Горловки, ему вменяли ту же статью, что и мне. Содержался он в том же сбушном изоляторе, через несколько камер от меня, и находился в заключение с мая. Судя по всему, дела у него были намного хуже, чем у меня, защитник к нему на свидания не приходил, родственники не навещали. «Лучший адвокат – ты сам. Сам себе не поможешь, никто тебе не поможет», – пояснял свою позицию Володя, но как-то без особого оптимизма. При этом он показал конспекты, которые сделал на чистых листах своего дела, после изучения Уголовного и Процессуального кодексов Украины.

Наконец-то, после завершения третьего гражданского слушания в зале появились знакомые мне люди. Помимо Лили и Полинки, зашли депутат

ВР Лена и депутат горсовета Галина, донецкие адвокаты Олег и Ян, а также уже знакомый мне наблюдатель миссии ООН в Украине. Воспользовавшись паузой, пока судьи вышли в совещательную комнату для очередной рокировки, я с позволения конвоя подошла к решетке. С другой стороны решетки ко мне подошли мои близкие.

Лена взяла меня за руки: «Не бойся, держись! Боря тоже боялся! Все будет хорошо, мы с тобой». Такое сравнение с делом по сепаратизму одного из первых лиц государства еще в недавнем прошлом, не могло не развеселить меня. Конечно, мое дело, как говорят, и рядом не стояло с громким делом десятилетней давности, которое сопровождалось выходом в свет не менее скандальной книги «Донецкая мафия». Да и в знак протеста за мое освобождение в центре столицы Донбасса палатки не выставляют, митинги не проводят. Хотя, причины, приведшие и меня и Б.В. за решетку, чем-то похожи. В 2004 году это называлось просто «сепаратизм», а сейчас карающие органы придумали другую формулировку – «участие в террористической организации». Суть та же, но звучит более устрашающе. Десять лет назад именно Лена развернула кампанию в поддержку Б.В., и

это имело серьезный общественный резонанс. Конечно, на такую же шумиху мне рассчитывать не приходилось, но сама поддержка и ее присутствие уже много для меня значили. Тем более что Лена одна из немногих, в том числе и народных депутатов, с которыми я еще недавно работала, но, в отличие от других, она не побоялась открыто поддержать меня.

Другие представители «моей группы поддержки» тоже всячески старались меня ободрить. «Ленчик, мы постараемся завтра попасть к тебе, – пообещал Олег. – Мы уже пятый день не можем к тебе прорваться, нас не хотят допускать к твоему делу».

Не удивительно, киевские сбушники всячески препятствовали нормальному ходу дела и не хотели допускать к нему не своих пусть даже государственных адвокатов, а уж тем более защитников из Донецка. Уже позже, после освобождения я не раз сталкивалась с фактами, когда адвокаты, вступая в сговор с украинскими правоохранителями, просто наживались на своих клиентах. Так называемые защитники вводили в заблуждение родственников с одной стороны, обещая им скорейшее освобождение их близких, а клиентов с другой – тоже обещая свободу при условии, что «террористы» подпишут любые показания. Одного такого адвоката в июне 2015 года задержали в Донецке. Он сам был из Славянска а работал с «сепаратистами», которых содержали в Изюме и Харькове. На его счету было около 20 таких подзащитных, которым обещал освобождение, подговаривая их на «чистосердечку». Давая показания на камеру сотрудникам МГБ ДНР, он признался, что работал в тесном сотрудничестве с СБУ – те обеспечивали ему платежеспособных клиентов, а «защитник» выводил их на нужные показания. Вот на таких условиях следователи готовы были работать с адвокатами.

Наконец в зал зашли судьи, и секретарь произнесла классическую фразу: «Встать, суд идет!». Судейская коллегия состояла из трех судей, председателем была женщина лет пятидесяти, блондинка, похоже, натуральная. Ну что же, в данной ситуации это хорошо. У меня,

натуральной брюнетки, сложилось устойчивое мнение, что обладательницы белокурой шевелюры менее стержовны и более сентиментальны. И моя интуиция меня не подвела.

На этот раз на заседание следователь не пришел, да и прокурор был совсем другой. Но обо всем по порядку. Вначале судья огласила, зачем, собственно, все собралось, и зачитала фанбулу дела. Потом она спросила, есть ли какие-либо отводы, ходатайства.

Ходатайства были у моей защиты. Во-первых, Лиля просила, чтобы меня вывели из-за железного ограждения, аргументируя тем, что это занижает мою самооценку, угнетает психику и косвенно вызывает отношение ко мне как к виновной, хотя на данный момент я всего лишь подозреваемая. Несмотря на приведенные защитой примеры из судебной практики подобных решений, судьи сочли доводы защиты недостаточными и оставили меня за решеткой.

Во-вторых, Лиля просила приобщить копии документов (трудовая книжка и приказ об очередном отпуске с 4 августа), а также ходатайства о поруке от депутатов ВР. По этому поводу возражений не последовало. Далее судья предоставила слово защите. Не буду повторяться и перечислять то, что уже звучало в суде прежней инстанции. Отмечу, что на этот раз Лиля обратила внимание на то, что я, прежде всего журналист с 15-летним стажем, а мы, между тем, живем в демократическом обществе, где свобода слова является священным правом, тем более представителей масс-медиа.

Кроме того, она напонила и цитату из инаугурационной речи президента Порошенко, где он пообещал амнистию тем, кто не держал оружия в руках. «Резюмируя, хочу отметить, что содержание под стражей – самая суровая мера предварительного заключения подозреваемого. Учитывая, что моя подзащитная не совершала каких-либо преступлений, связанных с насилием, она еще и мать двоих детей, один из которых несовершеннолетний, то защита просит изменить меру пресечения на домашний арест. У неё есть возможность находиться в Киеве, о чем свидетельствует документ от владельца квартиры, где её дочь снимает комнату. Подзащитная ранее заявляла, что заинтересована в справедливом расследовании и не намерена скрываться. Так же мы просим рассмотреть вариант передачи моей подзащитной на поруки народных депутатов или с применением электронных методов охраны (т.н. браслет). В случае невозможности изменения меры пресечения на эти варианты, просим рассмотреть возможную сумму внесения залога», – подытожила Лиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.